

ЗАКЛЯТИЕ ЛУСИИ ДЕ РЕАЛЬ

ИВАН
ГОЛОВНЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Иван Александрович Головня
Заклятие Лусии
де Реаль (сборник)
Серия «Исторические
приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10920824
Заклятие Лусии де Реаль: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7856-1

Аннотация

В остросюжетном романе «Заклятие Лусии де Реаль» рассказывается о трагической судьбе испанского галеона, нагруженного сокровищами, и о том, как трое молодых людей после ряда драматических событий и опасных приключений становятся счастливыми обладателями подводного пиратского клада.

Содержание

Книга первая	5
До скорой встречи!	5
Всю команду – наверх!	15
Какое сегодня чудесное утро!	24
Вы хотите стать богатыми?	33
Это же пираты!	40
Эта девка – моя!	44
Нас сносит к Чаросу!	52
Книга вторая	61
Считай, что я безработный	61
Я видел это судно!	72
С тобой мне ничего не страшно	86
Мы люди честные!	92
Этот парень мне нужен!	101
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Иван Головня

Заклятие Лусии де Реаль

© Головня И. А., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Александру Грину посвящается

Книга первая

Заклятие начинает действовать

До скорой встречи!

28 июня 1685 года в порту Гаваны царило редкое по тем временам оживление. С раннего утра Набережную заполнила большая пестрая толпа горожан. В ней можно было увидеть старавшегося быть осанистым офицера в сверкавшем золотыми позументами мундире и ссутулившегося от непрерывной работы ремесленника, оставившего на час свою тесную и душную мастерскую, разнаряженную кокетливую даму в сопровождении черного слуги и всему удивлявшуюся судомойку из портовой харчевни в засаленном переднике, с красными, оголенными до локтей руками.

Событием, собравшим столь многочисленную и разношерстную публику, было отплытие в далекую Испанию так называемого Серебряного флота. Предстояло впечатляющее зрелище, которое можно было увидеть раз в году и которое никого не могло оставить безучастным.

Флот теснился в напоминавшей мешок гавани. Он насчитывал до четырех десятков судов. Большей частью это были громадные, неуклюжие и богато отделанные галеоны, похо-

жие не то на причудливые плавающие крепости, не то на роскошные дворцы. Их мачты украшали безжизненно повисшие из-за отсутствия ветра пестрые флаги. Вместительные трюмы галеонов были набиты золотом, серебром, изумрудами, пряностями, кошенилью, отборным красным деревом и прочими редкими и ценными товарами, которые на протяжении года свозились в Гавану со всех уголков Нового Света и вот теперь отправлялись в метрополию. То есть в Испанию.

Между судами беспрерывно сновали шлюпки с дюжими гребцами. На шлюпках переправляли на галеоны отъезжавших на родину пассажиров, развозили пакеты с приказами и устные распоряжения.

Часам к десяти с едва видневшихся на юго-западе гор Сьерра-де-лос-Органос подул свежий ветерок. Поверхность воды в гавани покрылась мелкой рябью, флаги на мачтах ожили, зашевелились, на Набережной осторожно зашелестели листья пальм.

На флагманском судне был поднят сигнал, и тотчас на палубах галеонов засуетились матросы. Понукаемые офицерами, они выбирали якоря и ставили паруса. Вскоре одно за другим суда начали медленно вытягиваться из гавани через длинный и узкий, похожий на горлышко бутылки из-под рома проход на внешний рейд.

И только на галеоне «Сан Антонио» не спешили ставить паруса. Судно стояло неподалеку от Набережной, задрав к небу высокую корму, обильно отделанную искусной

резьбой с позолотой. На баке, заложив руки за спину, прохаживался взад-вперед капитан «Сан Антонио» Мигель де ла Кордова – сухопарый мужчина лет пятидесяти. Его худое аскетическое лицо украшали тонкий горбатый нос, похожие на наконечники копий усы и короткая с проседью эспаньолка. Внешне дон Мигель выглядел совершенно спокойным. Лишь изредка бросал он озабоченные взгляды в сторону Набережной.

Там, в стороне от начавшей уже редеть толпы, стояла, нервно покусывая яркие, слегка припухлые губы, одна из пассажирок «Сан Антонио» – молоденькая хрупкая девушка в черном дорожном платье и накинутой на голову легкой, как пушинка, белой мантилье. На слегка загорелом овальном лице девушки выделялись большие, широко поставленные темные глаза и изящный, словно выточенный искусным мастером носик. Это была Лусия де Реаль – дочь коменданта крепости Ла-Пунта полковника Алонсо де Реаля и всеобщая любимица Гаваны.

Трудно сказать, за что больше горожане обожали и уважали сеньориту Лусию: за ее дивную красоту, за редкую среди местной знати скромность или за трудную судьбу – со дня своего рождения девушка росла без матери, которая умерла во время родов Лусии восемнадцать лет тому назад. Думается, любили ее за то, что не любить такую чудную девушку было просто невозможно.

Лусия не случайно оказалась пассажиркой «Сан Анто-

нию». Ее отец и капитан галеона были старыми приятелями – в далекой юности оба служили в одном полку и даже приходились друг другу дальними родственниками. И когда при встрече дон Алонсо поведал другу, что его дочь собирается в Испанию, дон Мигель поспешил сказать, что он рад будет видеть Лусию на борту своего «Сан Антонио», чем немало обрадовал приятеля.

Лусия отправлялась в Испанию с намерением навестить там свою бабушку по матери, почтенную донью Долорес. Бабушка Лусии была в том возрасте, когда любой день ее жизни мог стать последним, и страстно желала поцеловать перед смертью свою единственную внучку, а в ее лице и свою так рано умершую дочь.

А ещё Лусии предстояло познакомиться в Испании с родителями своего возлюбленного Эмилио Рамоса, с недавних пор – ее жениха. Его-то и ожидала с таким нетерпением Лусия. Он давно уже должен был быть на Набережной.

Наконец с высоты своего капитанского мостика дон Мигель заметил краем глаза какое-то движение в глубине выходившей на Набережную улицы. Он поднес к глазам подозрительную трубу и увидел там скачущего на лошади всадника.

– Слава богу, наконец он явился! – облегченно проговорил начавший уже терять терпение дон Мигель и, повернувшись к своему помощнику Еугенио Эскудеро, велел поднимать якорь и ставить паруса.

Оказавшись на Набережной, всадник резко осадил разго-

рыченную лошадь, накинуд поводья на сук акации и подбежал к Лусии.

Это был высокий стройный брюнет с живыми выразительными глазами и элегантными усиками на умном открытом лице. Под ладно сидевшем на нем офицерском мундире угадывалось сильное мускулистое тело.

Эмилио Рамос нес службу в гарнизоне крепости Ла-Пунта под началом отца Лусии – полковника Алонсо де Реаля. Он слыл толковым офицером, подавал большие надежды и, несмотря на свою молодость – ему недавно исполнилось двадцать шесть лет, – уже имел чин капитана и командовал крепостной артиллерией. Дон Алонсо души не чаял в своем подчиненном, хотя и старался этого не выказывать. Во всяком случае, на людях.

– Эмилио! – прошептала девушка, и в этом единственном произнесенном Лусией слове Рамос услышал тревогу и сомнение, укор и радость – все то, что пришлось пережить его возлюбленной в течение этого получаса томительного ожидания.

– Лусия, милая, я здесь! Я с тобой! Я всегда с тобой! – горячо заговорил Рамос, сжимая протянутые руки девушки и заглядывая в ее казавшиеся бездонными глаза. – Прости, что заставил так долго ждать! Я сам весь извелся за это время.

– Все хорошо, Эмилио! Я увидела тебя и снова спокойна. Все страхи как рукой сняло. Ты, Эмилио, для меня словно

чудодейственный эликсир – достаточно увидеть тебя, и я все забываю, – улыбаясь, проговорила Лусия голосом, который показался Рамосу чарующей музыкой. – И все же... что случилось? Неужели отец задержал?

– Ну что ты! Отец тут ни при чем. И ничего особенного не случилось. Впрочем... сейчас ты сама увидишь причину моей задержки, – загадочно произнес Рамос. – Закрой-ка на минуту глаза.

Капитан достал из кармана своего мундира обклеенную черным бархатом коробочку, вынул из нее сверкнувший на солнце предмет и надел его на руку Лусии.

– Теперь можешь смотреть.

Девушка открыла глаза, поднесла к ним руку и опять зажмурилась. На руке десятками крошечных солнышек ослепительно сиял золотой браслет в виде свернувшейся кольцами змейки с рубинами вместо глаз удивительно тонкой работы: мельчайшая чешуя на спинке змеи и та была отчетливо видна.

– Какая прелесть! Какое чудо! – восхищенно прошептала девушка. – Эмилио, откуда это у тебя?

– Это мой подарок тебе, Лусия. Из-за него-то я и опоздал. Ювелир обещал закончить вчера, да вот... не успел. Пришлось с самого утра стоять над его головой. А он уперся: пока не сделаю как следует, из рук не выпущу, хоть убей меня! Пришлось ждать... И как я сдержался, чтобы не огреть этого ювелира чем-нибудь по башке, не пойму.

– Ну, зачем так, Эмилио! – усмехнулась девушка. – Он же хотел, чтобы было как лучше. Ты посмотри, какая красота получилась!

– Лусия, ты не представляешь, как я рад, что мой подарок понравился тебе! Я ведь боялся, что может быть наоборот...

– Ну, что ты, Эмилио... Как ты мог такое подумать! – лицо Лусии сияло неподдельным счастьем. Но вдруг оно помрачнело, а голос девушки стал тревожным: – Но, Эмилио! Ведь эта прелесть стоит больших денег. Ты наверняка истратил все свои сбережения.

– Пустое, Лусия! Об этом не думай, деньги для того и существуют, чтобы их тратить. Тем более если это доставляет кому-то удовольствие.

– Благодарю, Эмилио! Этот браслет я никогда не буду снимать с руки. Он будет постоянно напоминать мне о тебе.

– Спасибо, Лусия. Пусть хранят тебя в дороге Бог и этот браслет от всяческих напастей. Возьми футляр.

С палубы «Сан Антонио» донесся усиленный рупором умоляющий голос дона Мигеля:

– Сеньорита Лусия! Нам пора!

– Ну, вот... – упавшим голосом произнесла Лусия. Она прикипела взглядом к Эмилио, словно хотела запомнить его навсегда. – Меня уже зовут. Как жаль, что мы так мало были сегодня вместе...

– Лусия, в своих мыслях и мечтах я всегда с тобой.

– Я тоже, дорогой. Но, Эмилио... – голос девушки сорвал-

ся, и, чтобы не выдавать волнения, она перешла на шепот: – Не знаю почему, но у меня такое предчувствие, что мы больше не увидимся с тобой. Наверное, я просто глупая девчонка... И все же я боюсь.

– Ну, что ты выдумываешь, Лусия? Это оттого, что впервые отправляешься в столь далекий путь. А ты возьми да выбрось эти мысли из головы, и все будет хорошо, – стараясь успокоить девушку, как можно убедительнее произнес Рамос. – «Сан Антонио» – судно надежное, дон Мигель – капитан опытный. А главное, флотилия большая – как-никак тридцать шесть судов! Кто посмеет напасть на такую армаду? Так что не думай об этом и знай, что я буду каждый день молиться за тебя. Бог услышит мои молитвы. Должен услышать.

– Спасибо, Эмилио! Прощай...

– Лусия, не «прощай», а до скорой встречи! – ободряюще усмехнулся Рамос, заглядывая в затуманенные слезами глаза девушки.

– До скорой встречи, Эмилио! – попробовала усмехнуться и Лусия. Однако улыбка получилась растерянной, жалкой.

У Рамоса сжалось сердце, и ему пришлось взять себя в руки, чтобы казаться беспечным.

– Не забудь же поцеловать за меня моих стариков, – бодро проговорил он. – Скажешь, что мы обязательно приедем к ним погостить вдвоем. А возможно даже, втроем. То есть с внуком.

– Каким внуком? – захлопала ресницами девушка.

– Как каким? Нашим сыном, разумеется.

Зардевшись и опустив глаза, Лусия тихо сказала:

– Обязательно поцелую, Эмилио. Только вот о внуке...

вряд ли у меня хватит смелости сказать.

Рамос нежно сжал руки Лусии, поцеловал их и сдавленным голосом вымолвил:

– Иди, Лусия, любовь моя. Не надо больше испытывать терпение сеньора Мигеля. Да не оставит тебя пресвятая дева Мария! Иди! А я поскачу в крепость и оттуда пошлю тебе еще привет.

Лусия повернулась и, с трудом переставляя ставшие вдруг непослушными ноги, направилась к причалу, где ее давно уже поджидала шлюпка с «Сан Антонио». Перед тем как спуститься в шлюпку, девушка оглянулась. Помахав ей рукой, Рамос вскочил на коня и с места в карьер понесся в сторону Ла-Пунты.

Миновав узкий проход между фортами Ла-Пунта и Эль-Морро, галеон вышел в открытое море. Лусия, не спускавшая глаз с могучих стен Ла-Пунты, увидела, как над крепостью вспорхнул белый клубок дыма, и вслед за этим ее слуха достиг гром пушечного выстрела.

– Надо полагать, сеньорита Лусия, что этот салют прозвучал в вашу честь, – сказал стоявший рядом помощник капитана дон Эскудеро и, протягивая девушке подзорную трубу, добавил: – А вот и тот, кто вам салютует. Взгляните-ка!

На крепостной стене стоял, размахивая шляпой, Эмилио Рамос. Лусия сняла с головы мантилью и подняла ее вверх. Под порывом ветра мантилья вытянулась и стала похожа на белое знамя. Губы девушки шевелились, она что-то шептала...

Когда за горизонтом скрылись серо-розовые стены Ла-Пунты и Эль-Морро, а затем пропало из виду и самое высокое строение на кубинском берегу – возвышающаяся над Эль-Морро наблюдательная башня, – в сознание Лусии вновь закралось тревожное предчувствие. Ей казалось, что попрощалась она со всеми навсегда, что она никогда больше не увидит Гаваны, не обнимет отца, не поцелует своего возлюбленного...

С этими невеселыми мыслями Лусия покинула палубу и спустилась в свою каюту.

Всю команду – наверх!

Капитан пиратской шнявы «Блэк стар»¹ Говард Хейвуд проснулся от внезапного грохота. Что грохотало и где грохотало, капитан не понял. И тем не менее он в тот же миг вскочил, будто подкинутый пружиной, со своей узкой, напоминавшей крышку гроба койки. Впопыхах Хейвуд так ударился головой о висевшую над койкой полку, что из глаз брызнули разноцветные искры. Сжав от боли до хруста зубы, капитан схватил лежавшие наготове на крошечном столике пистолет и короткую саблю и, замерев у двери, прислушался.

За дверью было тихо. Зато за переборкой, разделявшей каюты капитана и его штурмана Уильяма Киттинга, послышались какая-то возня и недовольное чертыханье.

– Что там у вас стряслось, Киттинг? – выждав минуту, громко спросил Хейвуд.

– Чертов секстант упал с полки, – послышался из-за переборки виноватый голос штурмана. – Извините, капитан, если разбудил.

Хейвуд успокоился, однако недовольно буркнул:

– Вечно у вас что-нибудь падает...

Он тихо выругался и так, чтобы не было слышно Киттингу, положил оружие на прежнее место. Затем выглянул в крошечный иллюминатор. На черно-синем небе ярко по-

¹ «Черная звезда».

лыхали крупные звезды. Да еще смутно угадывались очертания недалекого берега. Разглядеть что-либо еще Хейвуду не удалось. «Пожалуй, нет еще и трех», – подумал капитан и снова лег на койку. Он долго ворочался, но сон больше не приходил. На душе было муторно, в голову, теснясь и опережая друг друга, лезли невеселые мысли.

Думать капитану было о чем. И прежде всего о том, что в последнее время ему изменила удача. Она отвернулась от него. Да что там отвернулась – она стала к нему спиной! И надолго. Вот уже скоро три месяца, как не попадалась никакая добыча. Совершенно никакая! Даже самая захудалая вроде корыта, перевозящего ром или мануфактуру. Просто какая-то чертовщина! Можно было подумать, что шняву и ее команду проклинали боги.

Как в таких случаях бывает, в команде начало зреть недовольство. Хейвуд то и дело замечал, как матросы, сбившись в укромном месте в тесный кружок, о чем-то шепчутся, озираясь по сторонам. Чаше других до его слуха долетали слова «капитан» и «трус». И то и другое произносилось с презрением. Завидев приближающегося Хейвуда, матросы тотчас начинали, безбожно фальшивя, петь или неестественно весело хохотать, хотя еще секунду назад их лица были хмурыми, как на похоронах повешенного на рее товарища. О недовольстве команды доносили капитану Киттинг и верный, как собака, здоровила-матрос Боулс, которого Хейвуд спас когда-то от этой самой реи.

Все это могло кончиться либо низложением, либо бунтом. Низложение еще куда ни шло – разжалуют в матросы или прогонят с корабля. Бунт – дело другое. Когда команда взвинчена и неуправляема, когда страсти накалены до предела, от нее можно ожидать чего угодно. Достаточно брошенных кем-нибудь слов: «Долой капитана!» – и тогда... В лучшем случае его высадят на необитаемый остров или оставят одного в шлюпке посреди открытого океана. В худшем влепят пулю в лоб или выбросят за борт на корм акулам.

Хейвуд к робкому десятку не принадлежал. В поединке один на один он готов был принять вызов любого члена своего экипажа. И даже двух-трех одновременно. Но бунт! Бунта Хейвуд боялся. Он сам был когда-то участником, точнее будет сказать, вдохновителем и организатором бунта и потому хорошо знал, что это такое. Бунт на судне можно сравнить со свирепым ураганом, сметающим на своем пути все и вся.

Прошло не так уж много времени, каких-нибудь полтора года, с того памятного дня, как подняла бунт подстрекаемая Хейвудом команда торговой шнявы «Своллоу»². Это уже потом, после бунта, судно получило более приличествующее ее новому предназначению название «Блэк стар»... Хейвуд тогда вовсе не желал смерти ни капитану «Своллоу» Джону Рибли, ни его помощнику Питу Хоббарту. Людьями они были в общем-то неплохими и к Хейвуду, которой служил на «Своллоу» квартирмейстером, не имели никаких претен-

² «Ласточка».

зий. Смерть этих людей не входила в планы Хейвуда. Он хотел всего лишь завладеть судном, стать его капитаном и заняться более прибыльным пиратским промыслом. Ему надоело перевозить красное дерево, ткани, муку и получать за это гроши. Рибли и Хоббарта он намеревался высадить на каком-нибудь из многочисленных Антильских островов. И только. Однако, когда начался бунт, оказалось, что совладать с разбушевавшейся командой нет никакой возможности. Попробуй тогда Хейвуд вступить за капитана и его помощника, могло так случиться, что следом за ними за борт полетел бы и он. А ведь тогда команда в большинстве своем состояла из добропорядочных христиан... Теперь же, когда от прежней команды не осталось и половины, а пополнение состояло сплошь из темных личностей, предпочитавших помалкивать о своем прошлом, страшно было подумать, чем мог кончиться бунт.

Чтобы успокоить команду, предотвратить бунт и поднять пошатнувшийся авторитет капитана, необходима была богатая добыча. Но добыча-то как раз и не шла в руки...

Вся надежда была на Серебряный флот испанцев. Судя по всему, он должен был со дня на день выйти из Гаваны. Вот почему уже шестые сутки «Черная звезда» пряталась между островов Норт-Кат-Ки, что на западе Багамского архипелага, у самого Флоридского пролива.

Вот такие невеселые мысли одолевали, не давая уснуть, капитана Говарда Хейвуда в его тесной каюте на борту пи-

ратской шляпы «Блэк стар» ранним утром 29 июня 1685 года...

Спустя два часа, когда каюта капитана стала наполняться серым утренним светом, по трапу, ведущему вниз, а затем и в коридоре послышались торопливые тяжелые шаги. В дверь каюты требовательно постучали.

В этот раз стук не испугал капитана: вряд ли заговорщики стали бы поднимать такой шум, однако пистолет на всякий случай он взял и заткнул за пояс.

– Кого там еще принесло? – не особо церемонясь, грубо спросил Хейвуд.

– Это я, сэр, Дагл, – послышался за дверью вкрадчивый голос второго помощника Питера Дагла, несшего утреннюю вахту. – Мортон и Фиппс подают какие-то сигналы. Похоже, они что-то заметили.

– Хорошо, Дагл! – враз повеселевшим голосом крикнул через дверь Хейвуд. – Велите спустить шлюпку. Через две минуты я буду готов. Я сам поплыву на остров. С собой беру Боулса. Разбудите его.

Наскоро одевшись, Хейвуд прицепил к поясу саблю и сунул за пояс еще один пистолет. Он резонно полагал, что оружие никогда не бывает лишним. Тем более если тебе предстоит встреча с таким прохвостом, как судовой плотник Билл Фиппс. Этот проходимец с лицом простачка, которого трудно было понять, когда он говорит всерьез, а когда валляет дурака, без всякого сомнения, был самым опасным ти-

пом на «Блэк старе». Он был способен на любую, самую дикую выходку. Наконец, это был именно тот человек, который в случае бунта мог бросить роковой для Хейвуда клич: «Смерть капитану!» И, что самое опасное, большая часть команды открыто симпатизировала Фиппсу. Он имел над ними какую-то необъяснимую власть.

Выйдя из каюты, капитан аккуратно запер дверь на замок и поднялся наверх. За ночь ветер переменился с юго-западного на юго-восточный. Он дохнул в лицо Хейвуда свежестью и запахом моря. Капитан несколько раз глубоко вдохнул воздух, показавшийся после душной каюты целебным, и осмотрелся. Над судном, будто жалуясь на свою неприкаемую судьбу, жалобно вскрикивала одинокая чайка.

Шлюпка уже покачивалась на мелкой зыби у борта шнявы. В ней сидел, нахохлившись, не успевший еще толком проснуться Боулс – немногословный геркулес в тесном камзоле с чужого плеча. На банке рядом с ним лежал мушкет.

Хейвуд проворно спустился по веревочному трапу в шлюпку, и Боулс, оттолкнув шлюпку от борта судна, взмахнул веслами.

Когда шлюпка была футах в десяти от берега, капитан сказал:

– Боулс, будь *там* повнимательнее... Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, сэр, – кивнул большой головой матрос. – На меня можете положиться.

Шлюпка мягко ткнулась в песчаный берег, и Хейвуд с Боулсом, вытянув ее наполовину из воды, поспешили к находившейся ярдах в пятидесяти возвышенности.

– Капитан, скорее сюда! – завидев карабкающихся наверх Хейвуда и Боулса, замахал рукой Мортон. Силуэт его сутулой высокой фигуры с большой треуголкой на голове резко выделялся на фоне светлеющего утреннего неба.

Тощий как жердь Фиппс стоял рядом, прижав к глазу подзорную трубу в медной оправе, и всматривался вдаль.

– Ну, что там вам еще померещилось? – нарочито грубо спросил Хейвуд. Здесь, когда он с Фиппсом были, в сущности, один на один, он был бы даже рад, если б его недруг обиделся и затеял ссору. В равном поединке Хейвуду ничего не стоило разделаться с этим Фиппсом. А если бы понадобилось, то заодно и с его дружкой Мртоном. Тем более имея в резерве Боулса.

Однако ни Фиппс, ни тем более Мортон вызова не приняли.

– Замечательная картина! – не обратив внимания на грубый тон капитана, с подчеркнутой учтивостью сказал, указывая в сторону Флориды, Фиппс. – Посмотрите, сэр, вон туда.

В иной раз Хейвуд, возможно, и полюбовался бы столь чудесной картиной, которая открывалась перед его взором, но не сейчас. Сегодня ему было не до красот природы. У него даже мелькнула мысль, не насмеются ли над ним Фиппс и Мортон. Но, присмотревшись получше, он увидел

то, на что указывал Фиппс.

Там вдали, где море сливалось с небом, с юга на север двигалась, растянувшись на несколько миль, длинная вереница судов. С парусами, туго надутыми свежим ветром и выкрашенными утренним солнцем в нежный розовый цвет, корабли казались игрушечными. Поэт сравнил бы их с опустившимся на воду журавлиным клином.

Но Хейвуд не был поэтом. Хейвуд был пиратом. Больше того, он был предводителем пиратов. И потому при виде этих красивых кораблей на его лице вместо умильного выражения появился хищный оскал. Даже его ноздри, как у учуявшей добычу гончей, расширились и задрожали. Хейвуд поднес к глазу протянутую Фиппсом подзорную трубу и замер, прикипев взглядом к горизонту.

– Тридцать пять галеонов! – прошептал, ни к кому не обращаясь, капитан. – И на каждом наверняка есть золото и серебро. Много золота и серебра!

Возбуждение Хейвуда можно было понять: достаточно было захватить любой из этих галеонов, и все члены команды «Блэк стар» тотчас превратились бы в богатых людей, которым до конца своих дней не пришлось бы думать о том, где раздобыть кусок хлеба.

Но испанские корабли шли плотным строем, и о том, чтобы захватить хотя бы один из них, нечего было и думать. Такая попытка была бы равнозначна самоубийству. Тридцать пять отлично вооруженных галеонов – страшная сила. Про-

тив нее не устояли бы все пираты Карибского моря, вместе взятые.

Впрочем, Хейвуд и не думал нападать на флотилию испанцев. На сей раз он задумал применить волчью тактику. Он намеревался преследовать издали флотилию до тех пор, пока какой-нибудь из кораблей не отстанет от остальных, и уж тогда...

И тут, случайно поведя трубой к югу, откуда плыл Серебряный флот, Хейвуд увидел еще один, едва различимый в утренней дымке галеон. Он двигался в полном одиночестве, на добрых две мили отстав от флотилии.

– Возвращаемся на судно! – крикнул Хейвуд и первым бросился вниз к шлюпке. «Сегодня или никогда! – лихорадочно думал он, с внезапной легкостью прыгая с камня на камень. – Сейчас я покажу этим оборванцам, на что способен Хейвуд! Недоумки... Они вздумали бунтовать против своего капитана!»

Едва поднявшись на борт шнявы, капитан скомандовал своему помощнику:

– Киттинг! Всю команду – наверх! Мы выходим в море!

Хейвуда невозможно было узнать – куда только девались его апатия и медлительность. Пираты вновь увидели перед собой прежнего капитана: энергичного и решительного.

Какое сегодня чудесное утро!

Как только взошло солнце и видимость стала более-менее сносной, помощник капитана «Сан Антонио» сеньор Еугенио Эскудеро поднялся на ванты фок-мачты и направил подзорную трубу на маячившие далеко впереди по курсу корабли Серебряной флотилии. И чем больше он вглядывался вдаль, тем озабоченнее становилось выражение его лица: за ночь расстояние между «Сан Антонио» и остальными ушедшими вперед галеонами не сократилось, как предполагалось, а, наоборот, увеличилось. Во всяком случае, до замыкавшего строй Серебряного флота галеона «Тринидад» – Эскудеро узнал его по слишком высокой, сужающейся кверху кормовой надстройке – было больше двух миль. И это несмотря на то что всю ночь «Сан Антонио» шел под всеми парусами...

Спускаясь с вант, Эскудеро помянул недобрым словом командующего флотилией герцога Педро Алькантара-и-Сеговия, а заодно и своего капитана дона Мигеля де ла Кордову. Герцога – за то, что тот не позволил поставить «Сан Антонио» на кренгование, а капитана – за то, что не настоял на этом. «А должен был настоять, – нахмурился помощник. – Судно давно уже не кренговалось и стало заметно сдавать в скорости».

Затем сеньор Еугенио подумал, что капитану не следова-

ло задерживаться вчера с выходом в море. Даже ради такой замечательной девушки, как сеньорита Лусия. Подумаешь – не попрощалась бы с женихом! Не навсегда же прощалась. Месяца через два-три увидятся снова.

Но тут, прохаживаясь по палубе, Эскудеро увидел Лусию, и все его тревожные мысли при виде этого прелестного существа враз куда-то улетучились. Девушка стояла у правого борта, подставив лицо свежему утреннему ветру, и щурилась от солнца. Солнце поднималось над пустынным океаном исполинским разжаренным диском. Над ним кое-где на небе висели невесомыми пушинками редкие тучки, окрашенные в нежно-розовые тона.

Судя по едва заметной улыбке, которая то и дело касалась губ девушки, к ней вновь вернулись хорошее расположение духа и бодрое настроение.

Лусия поднялась на палубу пораньше, чтобы не изнывать от безделья в тесной и душной каюте и не слышать бесконечные «ахи» и «охи» своей служанки Хуаниты, которая постоянно чего-то боялась. Она боялась мышей, лихорадки, воров, грома, морских чудовищ, волн и, естественно, морской качки. И потом на палубе было так интересно!

Раньше Лусия видела корабли только издали, со стен крепости Ла-Пунта, в которой они жили с отцом. Реже – когда бывала на пристани. Корабли казались ей мирами, вернее будет сказать, мирками – особыми и необыкновенными. Мирами увлекательными, полными романтики, живущими

своей, не похожей на обычную жизнь. Эта жизнь казалась интересной, возвышенной и конечно же окутанной тайнами. Лусии всегда хотелось хоть ненадолго прикоснуться к этой неизвестной ей, но такой манящей жизни.

И вот наконец она плывет на корабле и имеет возможность ощутить себя частицей этого загадочного мира, окунуться в его жизнь, почувствовать, как несется по безбрежному океану судно, послушное ветру и воле человека!

На галеоне Лусии нравилось все: и загорелые расторопные матросы, которые с нескрываемым восхищением поглядывали на нее, и запах вымытой палубы, и успокаивающее хлюпанье о борт зыби, и ровное гудение в туго надутых парусах ветра, и тянувшийся за кормой длинный пенистый след, и печальные крики кружащихся над судном чаек.

«Как было бы хорошо, – думала Лусия, – если бы я плыла на корабле вместе с Эмилио. С Эмилио я могла бы плыть бесконечно. Даже на край света».

А еще Лусию не переставало удивлять многообразие моря. Вот и теперь, в то время как на востоке оно полыхало пламенем под лучами все выше поднимающегося солнца, на западе, там, где угадывались берега Флориды, море было голубым и казалось дремлющим.

– Доброе утро, сеньорита Лусия! – приветливо воскликнул Эскудеро. – Что-то уж очень вы рано встали. От непривычки или слишком душно в каюте?

– А-а, сеньор Эугенио! Здравствуйте! – живо откликну-

лась девушка. — Я всегда так рано поднимаюсь. Привыкла в крепости к сигнальной трубе. Вот и встаю в одно время с солдатами. Какое сегодня чудесное утро! Не правда ли, сеньор Эугенио?

— Природой любуетесь... — понимающе усмехнулся Эскудеро.

— Да. Я ведь никогда раньше не встречала восход солнца на море.

— Ну, и как впечатление?

— Слов не нахожу! — восхищенно воскликнула девушка. — Можно подумать, что это не очередной день наступает, а рождается какой-то новый мир. Мир светлый и радостный, который принесет всем что-то хорошее, необыкновенное.

Сеньор Эугенио деликатно усмехнулся. Он был в том возрасте, когда красоты природы уже не вызывают подобный восторг. Тем не менее, не желая портить девушке настроение, он бодро произнес:

— У нас тут и не такое можно увидеть! Например, с марсовой площадки. Может, рискнете подняться? Оттуда обзор намного больший.

— Прямо сейчас?

— А почему бы и нет.

— Я готова! — не раздумывая, согласилась Лусия. — Вот только...

Она решительно подняла подол платья, заткнула его за пояс и вслед за старшим помощником стала взбираться по шат-

ким вантам на фок-мачту. Поднявшись первым, Эскудеро протянул девушке руку. Но Лусия помощи не приняла и самостоятельно влезла на крошечную дощатую площадку. Встав во весь рост и охватив рукой мачту, она осмотрелась. Отсюда, с высоты восьми метров, горизонт заметно отодвинулся, стал шире. Присмотревшись, Лусия смогла различить смутно видневшиеся вдали на северо-востоке острова Норт-Бимини и Саут-Бимини. В утренней дымке они казались ви-сящими в воздухе.

– Что вы скажете теперь? – сделав широкий жест рукой, словно даря все вокруг девушке, спросил Эскудеро.

– Восхитительно! – радостно воскликнула Лусия. – А вон тот кораблик в лучах взошедшего солнца просто великолепен, – указывая в сторону островов Норт-Кат-Ки, добавила она. – Кажется, что его паруса охвачены розовым пламенем.

– Какой кораблик? Где вы его видите? – посмотрев вдаль, а затем на Лусию, спросил озадаченный Эскудеро.

– Да вот же он! Прямо под солнцем, напротив тех розовеющих на горизонте островков. Похоже, что мы встретимся с ним.

Помощник капитана поднес к глазу подзорную трубу и повел ею по горизонту.

– Ну и зрение у вас, сеньорита Лусия! – восхищенно промолвил он, не отрывая трубы от глаз. – Там в самом деле судно... И оно действительно движется нам наперерез, через

какой-нибудь час времени наши курсы должны пересечься.

— Интересно, кто бы это мог быть? — сказала Лусия и, понизив вдруг голос, продолжила: — А вдруг это пираты?

— Пираты? Ну что вы! — улыбнулся Эскудеро. — Не было еще случая, чтобы пираты осмелились напасть на Серебряный флот. Да и откуда им взяться в этих водах?

— И все же! — стояла на своем девушка. В ее голосе слышался не страх, а, скорее всего, детское упорство.

— Ну и что? — пожал плечами помощник капитана. — Даже если это действительно пираты, в чем я сильно сомневаюсь, не думаю, что они посмеют напасть на нас. Это всего-навсего небольшое двухмачтовое суденышко. Что-то вроде шнявы. На таких судах не больше двенадцати пушек. Притом мало-го калибра. А у нас на «Сан Антонио» — пятьдесят шесть пушек. И все крупного и среднего калибра. Улавливаете разницу? Если это вам ни о чем не говорит, то объясню: достаточно одного бортового залпа нашего галеона, чтобы эту скорлупу разнесло в щепки. Впрочем, вам, выросшей в крепости, это известно не меньше, чем мне. Так что волноваться нет причины. Самые отъявленные разбойники не пойдут на явную...

Речь помощника капитана была прервана появлением на палубе служанки Хуаниты — дебелой мулатки с усиками на лоснящемся круглом лице, придававшими ей схожесть с мужчиной. Увидев свою подопечную так высоко, она не на шутку испугалась и, всплеснув руками, запричита-

ла могучим басом:

– И куда это вы взобрались, сеньорита? Вы бы еще на вер-хушку этой мачты вылезли! Хотите упасть и сломать руку? И что вы сделали со своим платьем? Здесь же мужчины! Немедленно спускайтесь вниз! Вот попомните, все расскажу отцу!

– Вот это голос! – восхищенно сказал Эскудеро. – Будь у меня такой голос, я давно уже командовал бы галеоном. А то и целым флотом.

– Несносная старуха! – удрученно качнула головой Лусия. – Но, ничего не поделаешь, придется спускаться. Иначе на ее голосок сбежится вся команда.

Лусия спустилась в каюту, позавтракала, полежала, терпеливо выслушала наставления Хуаниты и только после этого смогла снова подняться на палубу. Первое, что привлекло ее внимание, – это столпившиеся у правого борта возбужденные моряки, солдаты и пассажиры. Оттуда раз за разом доносились удивленные возгласы.

Лусия протиснулась к борту. Столь живой интерес толпы вызвало неизвестное судно, которое заметила утром девушка, находясь на марсовой площадке. Оно было совсем уже близко, на расстоянии каких-нибудь трех кабельтовых. На нем можно было различить суетившихся на палубе людей. Казалось, что на судне что-то случилось: то ли оно терпит бедствие, то ли на нем бунт. Можно было также подумать, что оно неуправляемо. Ставило в тупик испанцев и от-

сутствие на корабле какого бы то ни было флага.

И уж совсем были сбиты с толку испанцы, когда увидели, как с неизвестного судна одна за другой полетели в воду шлюпки. Их не спускали, как обычно, а сбрасывали, как будто они были там лишние. Такого морякам «Сан Антонио» еще не приводилось видеть. Во все времена на любом судне шлюпки были самой ценной и оберегаемой вещью. И в то же время шнява продолжала на полном ходу нестись наперерез «Сан Антонио».

Озадаченный старший помощник послал матроса за дон Мигелем. Капитан появился на палубе с блаженным выражением на раскрасневшемся лице, покрытом мелкими капельками пота. Нетрудно было догадаться, что он только что плотно позавтракал, приняв изрядную порцию вина.

– Ну, что там еще, сеньор Эскудеро? – недовольно спросил дон Мигель.

– Странное судно, сеньор капитан! – ответил Эскудеро. – С него выбросили все шлюпки. К тому же на нем нет флага. И оно, вне всякого сомнения, идет на сближение с нами! Что делать?

– Если это грязное корыто вызывает у вас страх, – надменно проговорил дон Мигель, – прикажите дать предупредительный выстрел и заставьте их поднять флаг. Если он у них есть, конечно. А шлюпки... это их забота. Наверное, они у них лишние. И больше не беспокойте меня по пустякам.

И, даже не взглянув на странное судно, капитан ушел в свою каюту.

Эскудеро пожал плечами и, вызвав старшего канонира лейтенанта Родригеса, приказал дать предупредительный выстрел.

Через минуту одна из пушек верхней палубы, расколов тишину, изрыгнула из своего жерла дым и пламя, и ядро, дико провизжав в воздухе, плюхнулось перед носом шнявы, подняв высокий фонтан воды.

На судне заметно усилилось движение. Но ни флага, ни каких-либо сигналов на нем не появилось. И, похоже, никто не собирался их поднимать. Как никто не собирался перекладывать руль или зарифлять паруса.

Эскудеро стоял в растерянности, не зная, что предпринять. Больше всего он боялся, что суда могут столкнуться, и это еще больше задержит и без того заметно отстающий «Сан Антонио». Чтобы предотвратить столкновение, помощник капитана ничего лучшего не придумал, как приказать взять рифы.

Не прошло и десятка минут, как рифы на всех парусах были взяты, и галеон резко сбавил скорость, давая возможность шняве пройти перед своим носом...

Вы хотите стать богатыми?

«Черная звезда», подгоняемая свежим юго-восточным ветром, неслась под всеми парусами по покрывшемуся мелкой рябью океану.

Весть о Серебряном флоте, принесенная на судно Боулсом, Фиппсом и Муртоном, мигом облетела всю шняву. Пираты были в недоумении. Никто не мог понять, куда и зачем спешит «Блэк стар». Не собирается же Хейвуд атаковать испанский флот! Кажется, он пока еще в своем уме. Хотя... всякое может быть: капитан пиратского судна – должность нервная, не всякому по плечу. Но не вяжется как-то такой безумный поступок с осторожностью, если не сказать, трусостью капитана...

Однако заговорить с Хейвудом, спросить, что он замыслил, никто не решался. Даже такая отчаянная голова, как Фиппс. Впрочем, если бы кто-то и спросил, то вряд ли получил бы ответ – Хейвуд стоял на мостике с непроницаемым лицом, стоял неподвижно, словно каменная статуя. Он лишь изредка подносил к глазам подзорную трубу да еще реже отдавал рулевому сухие отрывистые команды.

Незаметно переменялся ветер. Теперь он дул с востока в корму «Блэк стара». Скорость шнявы заметно возросла. Увеличились буруны, пенившиеся по обе стороны острого форштевня. Теперь они были похожи на седые, чудовищных

размеров усы.

Вскоре отставший галеон можно было рассмотреть невооруженным глазом. Сомневаться больше не приходилось: «Блэк стар» шла на сближение с «испанцем». Команду охватило смятение. Даже выдавшие виды морские волки, побывавшие в самых неожиданных передрягах, не припоминали случая, чтобы на суда Серебряного флота, пусть и отставшие, осмеливались нападать джентльмены удачи. Да еще в одиночку.

Когда же корабли сблизились настолько, что можно было сосчитать пушечные порты галеона и определить количество имеющихся на нем пушек, смятение команды переросло в растерянность. Пираты, эти отчаянные головы, для которых риск был обыденным делом, зароптали. Шутка ли сказать, пятьдесят шесть пушек! И каких! Крупного и среднего калибров. Если Хейвуд и в самом деле решил атаковать галеон, то нет сомнения, что он рехнулся и ведет «Блэк стар» навстречу ее неминуемой гибели.

Хейвуд же, глядя на потерявших вдруг свою обычную беспечность и самоуверенность пиратов, тайно злорадствовал. Это была его месть команде за недоспанные ночи и страхи, которые пришлось перенести в ожидании бунта. Но и это было не все. Главное испытание, которое замыслил капитан, ждало команду впереди.

Когда расстояние между «Блэк старом» и галеоном сократилось до мили, Хейвуд приказал Киттингу собрать команду

на баке. Речь капитана была краткой и не отличалась особым красноречием.

– Вольные морские люди! – выждав, когда утихнет команда, зычно сказал он. – Случай посылает вам счастливую возможность стать богатыми. Вы хотите стать богатыми? Сегодня такой шанс вам предоставляется. Для этого от вас требуется всего ничего: завладеть этим галеоном. И, разумеется, остаться живыми. Посмотрите на это судно! Его трюмы наверняка полны золотом и вином. Возможно даже, что на нем есть женщины. Вот оно, ваше счастье! Добудем его своими клинками!

Как и ожидал Хейвуд, его речь не вызвала того восторга, который проявляла команда перед нападением на какое-нибудь торговое суденышко. Лица некоторых пиратов – в том числе и Фиппса – сделались каменными и даже побледнели. Заметив это, Хейвуд заговорил еще жестче:

– Итак, сегодня или никогда! Другой подобный случай нам больше не представится. И мы им воспользуемся! Не для того мы стали джентльменами удачи, чтобы оставаться нищими!

– Но, сэр! – улучив минуту, обратился к капитану Киттинг, который, как и остальные, сомневался в успехе этого предприятия. – Неужто вы думаете, что мы сможем совладать с этим галеоном? Мне думается, мы идем на верную гибель, сэр!

– Я так понимаю, Киттинг, что вы тоже не верите в на-

шу удачу? Неужели и вы не понимаете, что преимущество на нашей стороне?

– Какое преимущество? – нервно передернул плечами помощник. – О чем вы говорите?

Пираты, получив неожиданного союзника в лице помощника капитана, тревожно загудели. Послышались возгласы:

– Правильно!

– Жизнь дороже золота!

– Зачем идти на верную гибель?

– Пусть ответит капитан!

Не обращая внимания на ропот команды, Хейвуд громко, с расстановкой произнес:

– Я говорю о преимуществе неожиданности, Киттинг! И внезапности! Наше преимущество в том, что нападение на галеон будет для испанцев полной неожиданностью. – Выдержав паузу и обращаясь не столько к помощнику, сколько ко всем пиратам, капитан продолжил: – Вам приходилось когда-нибудь слышать, чтобы джентльмены удачи осмеливались напасть на корабли Серебряного флота? Нет? Я тоже не слыхал. Не слыхали об этом и испанцы. Они даже в мыслях этого не допускают. То же самое думает об этом и капитан этого галеона. В этом я больше чем уверен. Теперь-то вы понимаете, в чем наше преимущество? В неожиданности и внезапности! И мы это преимущество используем сполна. Тем более что у нас нет выбора: или мы захватим «испанца» и вмиг разбогатеет, или все как один пойдем на дно кормить

рыб. Третьего нам не дано.

– Это как понимать? – послышался из толпы чей-то голос.

– Как это понимать? – переспросил Хейвуд. – А вот так! Фиппс!

– Я здесь, капитан! – вышел из толпы плотник.

– Фиппс, – пристально вглядываясь в лицо плотника, вымолвил с расстановкой капитан, – возьмите свой топор, спуститесь в трюм и прорубите днище судна. Дыра должна быть такой, чтобы через час эта посудина пошла ко дну.

Толпа всколыхнулась, загудела, подвинулась ближе к капитану.

– А как же мы? – с трудом выдавил из себя обычно невозмутимый Фиппс. – На чем...

– Дальше мы поплывем на испанском галеоне! – резко оборвал его Хейвуд и, положив руку на серебряную рукоять заткнутого за широкий кожаный пояс пистолета, веско добавил: – Фиппс, я не привык дважды повторять приказания...

Фиппс, не ожидавший такого поворота событий, втянул голову в плечи и затравленно оглянулся, ожидая поддержки товарищей. Но растерянная команда молчала, и плотник, не дождавшись помощи, с видом побитой собаки понуро побрел к ведущему в трюм люку.

– Боулс! – кивнул Хейвуд стоявшему рядом верзиле-матросу. – Пойдите и проследите, добросовестно ли будет работать плотник.

Матрос понимающе кивнул головой и, вытягивая из-за

пояса на ходу пистолет, поспешил вслед за Фиппсом.

– Мортон, – повернувшись к другу Фиппса, многозначительно произнес Хейвуд, – насколько я знаю, у вас самый острый нож в команде – очень уж долго и старательно вы его точили... Так вот, Мортон... перережьте-ка своим острым ножом шлюпочные тали и сбросьте все шлюпки за борт. Живо! – рявкнул капитан, видя, что Мортон в нерешительности переминается с ноги на ногу.

Мортон сорвался с места и устремился к ближайшей шлюпке.

Проследив холодным взглядом за Мртоном, Хейвуд повернулся к помощнику:

– Киттинг, возьмите несколько человек и выкатите на палубу бочонок, который стоит в провиантной каюте. Выдадите по кружке каждому члену экипажа.

Пока бочонок выкатывали на палубу, все четыре шлюпки полетели за борт. Вернулись и Фиппс с Боулсом. Боулс шепнул что-то капитану на ухо, и тот удовлетворенно кивнул в ответ головой.

Едва из бочонка была выбита деревянная пробка, как по палубе стал расплзаться дразнящий запах рома, от которого пираты уже успели отвыкнуть. Тотчас к бочонку выстроилась длинная очередь, началась толкотня и ругань. Каждому хотелось поскорее опрокинуть заветную кружку в враз пересохшее горло. Испив бодрящей влаги, пираты с повеселевшими лицами отходили, вытирая усы, довольно

покрывая и оживленно переговариваясь.

Фиппсу и Мортону пришлось получить свою порцию одними из последних. Оба заметно нервничали, им казалось, что рому на всех может не хватить. Но наконец и до них дошла очередь. Они опрокинули по полной кружке обжегшей глотку влаги, и их настроение заметно улучшилось.

Когда Киттинг наливал стоявшему в очереди последним Боулсу, на галеоне прогремел пушечный выстрел, и через несколько секунд по курсу «Блэк стара» взвился фонтан воды.

– А вот и салют в нашу честь! – крикнул Хейвуд. – Верный признак того, что нас ждет удача! Всем готовиться к abordажу! Первыми пойдут Фиппс, Мортон... и я!

Фиппс и Мортон переглянулись. Перехватив их встревоженные взгляды, капитан со злорадством добавил:

– Сегодня мы увидим, кто на этом корыте трус!

Это же пираты!

– Сеньор Эскудеро, похоже, они тонут, – присмотревшись к странному судну, сказал старший канонир лейтенант Франсиско Родригес, обращаясь к помощнику капитана. – Они все больше погружаются в воду. Посмотрите!

Шнява в это время в полукабельтове от «Сан Антонио» проходила перед его носом, делая левый поворот. Она по-прежнему не подавала никаких сигналов, и было совершенно непонятно, что на ней происходит.

– А ведь и в самом деле она погружается, – взглянув повнимательнее на шняву, согласился Эскудеро. – Как это я сам не заметил этого? Так вот почему они так странно ведут себя! – от этой догадки лицо помощника капитана даже просветлело. Но ненадолго. – Да, но зачем в таком случае они выбросили шлюпки? – спохватился он. – Ведь это же шлюпки! Чертовщина какая-то...

– Действительно, странно все это. И непонятно, – недоуменно пожал плечами лейтенант Родригес. – А что если у них там авария и бунт одновременно?

– Кажется, скоро все станет понятным, – помедлив, ответил помощник капитана. Ответил после того, как, сделав перед носом «Сан Антонио» левый поворот, неизвестное судно пошло на сближение с галеоном. Оно явно намеревалось подойти к левому, подветренному и потому более низкому

борту «Сан Антонио».

– Неужели они рассчитывают на нашу помощь? – удивился лейтенант Родригес. Его удивление объяснялось тем, что кораблям Серебряного флота было предписано никогда никому никакой помощи не оказывать. Кроме своих, разумеется, кораблей.

«И все же капитан этой посудины молодчина! – подумал Эскудеро. – Его сообразительности и хладнокровию можно только позавидовать. Даже в таком критическом положении не потерял голову: повел свое судно к тому борту галеона, который пониже, давая этим своей команде возможность без особых затруднений перебраться на “Сан Антонио”».

И только когда суда сошлись совсем близко, на расстояние каких-нибудь трех десятков ярдов, помощник капитана обратил внимание на то, что вдоль левого борта шнявы выстраиваются люди с длинными абордажными крючьями в руках, а все остальные торопливо взбираются на нижние реи, которые находились на уровне верхней палубы «Сан Антонио» и с которых легче всего будет попасть на галеон. И все эти люди были вооружены: кто – короткой абордажной саблей, кто – топором, а кто – и копьем. И чуть ли не у каждого из них торчал за поясом пистолет. Они очень мало походили на терпящих бедствие и нуждающихся в помощи. Жаль, что Эскудеро слишком поздно это заметил и понял.

«Это же пираты! – мелькнула в голове старшего помощника ужасная догадка. – И они, вне всякого сомнения, гото-

вятся к абордажному бою. Как же я проглядел это?»

Только теперь понял старый моряк, какую он дал промашку, позволив незнакомому судну беспрепятственно сблизиться с «Сан Антонио». Спасти положение могли только быстрые и решительные действия.

Однако начал Эскудеро не с того, с чего следовало начинать. Перво-наперво надлежало приказать солдатам охраны открыть огонь из мушкетов и аркебуз по пиратам, гроздьями висевшими на реях. Из-за своей вынужденной неподвижности они представляли отличную мишень. Всем остальным испанцам надо было подготовиться к рукопашному бою и не позволить пиратам проникнуть на галеон.

Вместо этого Эскудеро приказал лейтенанту Родригесу дать по пиратскому судну залп из всех пушек левого борта. Это была очередная и на сей раз последняя ошибка помощника капитана. Хотя бы уже потому, что для того, чтобы произвести пушечный залп, необходимо было время. Залп, конечно, прогремел. Он встряхнул галеон от киля до клотиков, заставив его прилечь на какое-то мгновение на правый борт и даже зачерпнуть нижними портами немного воды.

Залп из двадцати восьми пушек был сокрушительным. Будь шнява подальше, хотя бы на расстоянии полукабельтова, она, вне всякого сомнения, разлетелась бы вдребезги. Но сейчас, когда суда сошлись почти вплотную, когда высокий и громоздкий галеон возвышался над шнявой, как Голиаф над Давидом, его ядра, пролетев над палубой пират-

ского судна, не причинили ему почти никакого вреда. Разве что срезали фор-стенггу да сбили с реев двух пиратов.

Когда же пороховой дым наконец развеялся, суда уже стояли борт о борт, и с рей шнявы на палубу галеона с леденящим душу ревом, гиканьем и свистом сыпались будто горох, размахивая сверкающими на солнце абордажными саблями, пираты. В одну минуту палуба «Сан Антонио» превратилась в место жестокой схватки. Пираты, которым некуда было отступать, поскольку их судно тонуло, дрались отчаянно, дрались не на жизнь, а на смерть. Испанцам тоже было некуда отступать. И хотя их было больше, но, застигнутые врасплох, они не успели подготовиться как следует к бою и потому терпели поражение.

И все же бой был упорным и долгим, воинственные крики, подбадривающий визг, предсмертные проклятия, вопли раненых – все это слилось в один берущий за сердце гул. К нему примешивались лязг оружия и пистолетные выстрелы.

Через четверть часа все было кончено. Оставшиеся в живых защитники галеона были оттеснены к правому борту. Обезоруженные, с поникшими головами, они стояли, сбившись в тесную кучку, в покорном ожидании своей участи.

Эта девка – моя!

Лусия ничего этого не видела. Когда прогремел пушечный залп, обезумевшая от страха Хуанита выбежала на палубу и силой утащила девушку в каюту. Шум борьбы наверху сюда почти не доносился. Лишь изредка слышались отдаленные хлопки пистолетных выстрелов.

– Должна же я знать, что там происходит! Пусти меня! – рвалась на палубу Лусия. Но Хуанита была непреклонна. Она стала у двери, загородив собой выход, и решительно заявила, что Лусия сможет выйти, лишь переступив через её, Хуаниты, труп. Лусии пришлось смириться. Она села на койку и, демонстративно отвернувшись, стала смотреть в иллюминатор. Но красоты моря на сей раз не радовали. Она их не замечала.

Вскоре шум на палубе стал стихать, а затем и вовсе прекратился. Зато он тут же возник во внутренних помещениях: трюмах, кубриках и каютах, – где прятались смалодушничавшие матросы и насмерть перепуганные пассажиры. Коридоры наполнились тяжелым топотом ног чужой, вперемешку с бранью речью, хлопаньем дверей, женским визгом. Было похоже на то, что из кают вытаскивают пассажиров. Неужели судно в руках пиратов? От этой мысли Лусия сжалась в комок и больше на палубу не порывалась. Заметно побледнев, она неподвижно сидела на кровати с отрешенным видом

в томительном ожидании своей участи. Она даже не прислушивалась больше к тому, что происходит на судне.

Но вот топот ног послышался у двери каюты, в которой находились Лусия и служанка. И тут же дверь задрожала от грубого нетерпеливого стука. Хуанита бросилась к Лусии и прикрыла ее своим огромным телом. Тесно прижавшись друг к другу и оцепенев от страха, женщины молчали.

Не дожидаясь, когда им откроют, пираты после нескольких толчков высадили дверь. В каюту ввалился, едва удержавшись с разгону на ногах, Фиппс. В руках он держал окровавленную саблю. Следом за Фиппсом в каюту вскочили еще несколько пиратов – потных, растрепанных, в крови.

– Э-э, да в этой клетке сразу две птички притаились! – оскалился Фиппс. – А почему бы нам не побаловаться с ними малость? А, ребята?

– Ты что, не слыхал приказ капитана? – прокаркал старый пират с всклокоченными седыми волосами на мартышечьей голове. – Тебе было сказано, что делить все будем поровну? Женщин тоже...

– Приказ, приказ... Знаю, что приказ, – скривив в брезгливой мине полиловевшее от возбуждения лицо, пробубнил Фиппс и тут же, зло ухмыльнувшись, гаркнул: – Эй вы, потаскухи! Живо наверх! Сейчас будем вас делить! Ха-ха-ха!

Лусия, немного знавшая английский, похолодела от ужаса. Ноги ее враз стали деревянными, непослушными. Подталкиваемая в спину пиратами, она, спотыкаясь, с трудом

вышла из каюты и поднялась на палубу. На палубе валялись окровавленные трупы и корчились в страшных муках раненные. В одном из них Лусия узнала сеньора Эскудеро. Его лицо было неестественно белым, из шеи, раскрытой сабельным ударом, сочилась кровь, из раскрытого рта вырывались бульканье и хрипы.

При виде умирающего Эскудеро у Лусии потемнело в глазах. Она покачнулась и, чтобы не упасть, ухватилась за свисавший с реи трос. Шедший сзади Фиппс, делая вид, что хочет поддержать девушку, как бы случайно схватил ее за груди. Бросившаяся на помощь Лусии Хуанита с такой силой оттолкнула Фиппса, что тот грохнулся на палубу, высоко задрав ноги. Раздался громкий хохот. Смеялись все, даже испанцы, которым, казалось, было не до смеха. Фиппс вскочил на ноги с такой поспешностью, будто палуба под ним была раскаленной докрасна. Вне себя от ярости, он грязно выругался и, взмахнув саблей, с силой опустил ее на голову Хуаниты. Женщина, успев глухо охнуть и обхватить голову руками, замертво повалилась на палубу. Пораженная Лусия несколько секунд смотрела широко раскрытыми глазами на свою служанку, у головы которой растекалась красная лужица. Когда же очнулась, то, не говоря ни слова, влепила Фиппсу такую пощечину, что звук ее разнесся по всей палубе. И снова взрыв хохота сотряс воздух над палубой.

Ослепленный злобой Фиппс схватил девушку за руку, с силой рванул к себе и уже хотел было швырнуть ее на палу-

бу. Но тут его пальцы наткнулись на что-то твердое под рукавом черного шелкового платья. Пират рванул за рукав. Шелк затрещал, обнажив до локтя руку. На запястье Лусии сверкнул на солнце золотой браслет филигранной работы. При виде столь дорогой вещи свинные глазки Фиппса загорелись жадным блеском. Враз забыв об оплеухе, он попробовал было снять браслет с руки. Но Лусия с криком: «Не смей этого трогать! Это не твое!» – попыталась оттолкнуть грабителя. Но силы были неравными. Вошедший в раж Фиппс грубо заломил руку девушки за спину и, обдирая кожу, принялся срывать с руки браслет.

Превозмогая острую боль в плече и запястье, Лусия подняла к небу глаза и страстно зашептала:

– Пресвятая дева Мария! Заклинаю тебя: покарай страшной смертью каждого, кто возьмет в руки подарок моего возлюбленного! Услышь мольбу несчастной твоей рабы Лусии, покарай их всех!..

– Ты что это шепчешь, ведьма черная! – злобно ощерился пират, понимавший смысл некоторых испанских слов. – Ты первой и сдохнешь! Только раньше повеселишь меня, а потом я сделаю с тобой то же самое, что сделал с этой черномазой.

Завладев наконец браслетом, Фиппс сунул его себе в карман, а руку девушки снова с силой заломил за спину.

– Фиппс! – послышался резкий окрик Хейвуда. – Оставьте ее. Эта девка моя! А то, что вы спрятали в карман, принад-

лежит всей команде. Отдайте браслет! Я не потерплю на суде воровства!

– Почему это она твоя? – тяжело дыша, дрожащим от гнева голосом прохрипел Фиппс. Продолжая заламывать руку девушки за спину, он по-бычьи опустил голову и вперился исподлобья в капитана пиратов потемневшими от злости глазами. – Почему она твоя? Это я ее взял... – Фиппс хотел сказать «в плен», но вовремя спохватился и выкрикнул: – Это я ее нашел, а не ты! И нечего мне указывать!

– Фиппс, – подчеркнуто спокойно произнес Хейвуд, – эта девка будет моей. Капитан здесь пока я! А ты, Фиппс, тоже пока всего-навсего корабельный плотник. Улавливаешь разницу? А потому отпусти ее и отдай браслет!

– Ну, капита-ан! Это уже слишком! Долго я терпел тебя, но всякому терпению приходит конец! – угрожающе выкрикнул Фиппс и, оттолкнув Лусию, с поднятой над головой саблей ринулся на Хейвуда. К удивлению столпившихся вокруг пиратов, их предводитель оставался стоять неподвижно на месте. С опущенной вниз саблей и с холодным любопытством он смотрел на бегущего на него Фиппса.

Увидеть рубку на саблях пиратам не привелось. Все закончилось неожиданно быстро. Когда Фиппс опускал саблю на голову казавшегося замершим капитана и уже не мог изменить направление удара, Хейвуд резко подался влево. Подался ровно настолько, чтобы сабля его противника со свистом рассекла воздух в дюйме от правого плеча. При этом

Хейвуд выкинул руку с поднятой от палубы саблей вперед, и ее клинок почти по рукоять вонзился в живот нападавшего. Фиппс дико заорал и повалился с разбегу на капитана. Кажется, он хочет напоследок обнять своего убийцу. Но Хейвуд сделал шаг назад, резко выдернул саблю, и Фиппс грохнулся на палубу лицом вниз.

– Спасибо, пресвятая дева Мария! Ты услышала меня! – прошептала Лусия.

– Он убил его... Братцы, он же убил его! – вскрикнул молодой парень с глупым выражением на рябом лице, которому впервые, по всей видимости, пришлось участвовать в подобной передраге и тем более видеть, как убивают своих.

– Ну и поделом ему, дураку! – хмуро отозвался стоявший впереди парня Боулс. – А тебе-то чего переживать? Радоваться должен: при дележе большая добыча перепадет.

Хейвуд тем временем нагнулся над извивающимся в предсмертных муках Фиппсом и, пошарив в его карманах, извлек из них браслет. Лишь мельком скользнув по нему взглядом, он сразу определил, что вещь эта стоит больших денег. А потому, чтобы не давать повода для нежелательных разговоров, всем своим видом показал, что Фиппс позарился на ничего не стоящую безделушку, и небрежно сунул браслет в карман своего камзола.

Поначалу Лусии показалось, что этот отважный и с виду такой степенный и полный достоинства человек, который, судя по всему, является среди этого сборища грабителей во-

жаком, вступился за нее из чисто благородных побуждений, что он защитит ее, что он, наконец, вернет ей подарок Эмилио. На какое-то время она даже воспрянула духом. Но, когда предводитель пиратов спрятал браслет в свой карман, поняла, что ошиблась, что ничего хорошего ждать ей от этих людей не приходится...

И тут, словно в подтверждение ее мыслей, Хейвуд подозвал верзилу Боулса и, указав глазами на Лусию, отрывисто произнес:

– Отведи девицу в мою каюту и запри ее там. Я потом займусь ею.

Боулс молча ухватил девушку за разорванный Фиппсом рукав и потащил за собой.

– Что вам от меня надо? Куда вы меня тянете? – попробовала упираться Лусия.

– Ты что, не слыхала? Или не понимаешь человеческой речи? – прокаркал матрос. – В каюту капитана!

– Зачем в каюту? – в отчаянии крикнула Лусия.

Боулс, обернувшись к толпе, оскалился в циничной усмешке:

– Видали, она не знает, зачем в каюту водят женщин!

Слова Боулса пираты встретили взрывом непристойного хохота.

Этот хохот, гнусный и похотливый, сразу вернул оглушенную увиденным и пережитым девушку к действительности. Только теперь со всей ясностью поняла она смысл происхо-

дящего. А поняв, ужаснулась.

– Нет! – дико закричала Лусия и с такой силой рванулась, что в руке Боулса остался только рукав ее платья. Несколько прыжков, и она была у борта галеона. Не успели опомнившиеся пираты броситься вдогонку, как девушка уже стояла на планшире фальшборта.

– Эмилио, любимый, прощай... – прошептала побелевшими губами Лусия. Закрыв глаза, она решительно шагнула вперед, и секунду спустя до слуха застывших от неожиданности пиратов донесся глухой всплеск воды за бортом.

Нас сносит к Чаросу!

Минуло четыре дня, как пираты Говарда Хейвуда захватили испанский галеон «Сан Антонио», а вместе с ним – две бочки с золотыми эскудо и дублонами и еще три бочки серебряных песо и реалов, а также множество драгоценностей, отнятых у пассажиров.

Авторитет капитана Хейвуда, с которым почти перестала считаться команда, после этого возрос до такой степени, что теперь каждый его приказ ловился на лету и выполнялся с невиданным ранее рвением.

Уже на следующий день пираты, сгораемые от нетерпения почувствовать себя богачами, собрались на сходку и потребовали тут же, немедленно приступить к дележу попавших в их руки сокровищ.

Но против немедленного дележа решительно выступил капитан. Свое несогласие с требованием команды он мотивировал тем, что сейчас надо думать не о дележе, а о том, как поскорее и подальше убраться из этих мест: испанцы наверняка уже организовали погоню. А это значит, что задерживаться им нельзя и на час. Добычу же они поделить еще успеют – никуда она не денется. И сделать это лучше всего в спокойной обстановке, когда судно будет отстаиваться в каком-нибудь порту или бухте. Тогда все члены команды смогут присутствовать при этой приятной процедуре. Толь-

ко в таком случае ни у кого не будет нареканий на обман и несправедливость со стороны товарищей. Доводы были вескими и обоснованными, и пиратам ничего не оставалось, как согласиться.

Впрочем, призывая пиратов не спешить с дележом награбленного, Хейвуд думал не столько о команде, сколько о себе. О себе – в первую голову. Он надеялся, что рано или поздно ему подвернется случай обвести команду вокруг пальца и единолично завладеть если не всей добычей, то хотя бы ее большей частью.

Но пираты о неблагоприятных замыслах капитана ничего не знали, и потому каждый из них, даже кок Рэндалл, этот одноглазый плюгавый старикашка, служивший мишенью для постоянных насмешек, чувствовал себя по меньшей мере крезом.

Здесь следует сделать отступление и заметить, что есть категория людей, которые, обладая они даже несметными сокровищами, не будут чувствовать себя богачами до тех пор, пока не начнут тратить свои богатства. К такой категории людей принадлежала большая часть пиратов, захвативших «Сан Антонио». Они просто сгорали от нетерпения как можно скорее попасть на сушу и там ощутить все прелести разгульной жизни.

Именно поэтому тогда же, на сходке, было решено податься в Морион. Этот порт был выбран пиратами неспроста. Во-первых, Морион лежал в стороне от проторенных морских

дорог, и его редко навещали испанцы. Во-вторых, и это было главным, в этом городе, пристанище морских разбойников и закоренелых контрабандистов, торгашей с сомнительной репутацией и девиц легкого поведения, где день и ночь кипела бойкая торговля, лились реки вина, не прекращалась карточная игра и огромные деньги то и дело переходили из рук в руки, где едва ли не каждый второй дом был если не кабаком, то пристанищем жриц любви, можно было в одну ночь спустить целое состояние. В этом городе только то и делали, что пили до беспамятства, жестоко дрались, не моргнув глазом убивали, напропалую развратничали, грабили, воровали, вымогали, надували.

Вот в этот-то Морион и несся под всеми парусами «Сан Антонио», рассекая своим острым форштевнем тихие воды Атлантики.

Киттинг заметил появившегося на палубе Хейвуда и, ткнув подозрительной трубой в сторону запада, где огромный, червонного золота диск солнца медленно опускался в растянувшуюся над горизонтом сизую тучу, озабоченно покачал головой:

– Не нравится мне этот закат, сэр. Нехороший закат, прямо скажем.

– Закат и в самом деле нехороший, – согласился со своим помощником капитан. – Сколько нам еще плыть?

– До Мориона не больше полтора ста миль.

– Значит, завтра после полудня будем на месте.

– Если не изменится ветер, – обронил Киттинг. В его голосе слышалась скрытая тревога.

– Не должен, – счел нужным успокоить помощника Хейвуд. – Ветер ровный, хороший. Даст бог, доберемся до Мориона благополучно, а там нам и сам дьявол не брат.

– Дай-то бог, – пробормотал Киттинг.

Опасения помощника капитана оказались пророческими.

Утро следующего дня, когда галеон был уже в Патосском море и далеко на горизонте показалось медленно всплывавшее из морской пучины ослепительно-яркое солнце, ветер как-то незаметно утих. Паруса «Сан Антонио» обвисли, и резво бежавший до этого галеон пополз со скоростью черепахи. А когда можно было уже невооруженным глазом различить зубчатые вершины хребта Тангерин – это означало, что до Мориона оставалось не больше восьмидесяти миль ходу, – внезапно разразился шторм.

Вначале вовсе не стало ветра – даже легкого, едва ощутимого дуновения не чувствовалось, и наступила казавшаяся зловещей тишина. Поверхность моря стала непривычно гладкой и как бы маслянистой. Затем где-то далеко позади послышался глухой гул. Можно было подумать, что на судно надвигается гигантский водопад. В то время как на востоке всю сияло поднявшееся над горизонтом солнце, на западе небо все плотнее затягивалось желтой ядовитой мглой. Ее во всех направлениях полосовали ослепительные вспышки молний. Вода мгновенно потемнела и покрылась круп-

ной рябью. Резкий порыв ветра оглушительно хлопнул безжизненно висевшими парусами и по-разбойничьи засвистел в снастях — поначалу тихо, будто пробуя голос, затем все громче и выразительнее. Все вокруг завывало, заревело, закружилось. На все голоса заскрипели мачты и реи. А еще через какое-то мгновение желтая пепельная мгла стремительно понеслась почти над самой поверхностью вздыбившегося моря, задевая верхушки мачт. Неожиданно над судном возник нестерпимо яркий свет, и раздался такой треск и грохот, что, казалось, рушится небесный свод.

Не прошло и получаса, как красавец «Сан Антонио» превратился в изувеченное корыто. Его паруса, которые не успели как следует зарифить, были изодраны в клочья. Трещали, ломаясь, реи. Лопались, будто паутина, снасти. Волны перекатывались через палубу. Они смывали с нее все, что попадалось им на пути: шлюпки, обломки палубных надстроек, людей. Галеон мотало по волнам наподобие щепки.

Выбиваясь из последних сил, пираты, руководимые Хейвудом и Киттингом, пытались как-то управлять судном, но все их старания были напрасными. Уже несколько раз галеон разворачивало бортом к волне, и он едва не опрокидывался.

Ветер между тем продолжал усиливаться. Становилось трудно дышать. Стоило раскрыть рот, как ветер врвался в легкие и раздувал их с такой силой, что казалось, они вот-вот разорвутся. Он срывал с людей одежду. Снасти больше

не свистели — они дико визжали.

Несмотря на то что наступил уже день, дальше полусотни ярдов невозможно было что-либо увидеть. И это было хуже всего: исключалась всякая возможность определить, куда сносит судно.

Не выдержав очередного страшной силы порыва ветра, затрещала, ломаясь надвое, грот-мачта.

— Прокля... — хотел было выругаться в сердцах Хейвуд, но новый порыв ветра воткнул ему в глотку что-то твердое, напоминающее моток шерстяных ниток. Едва не задохнувшись, капитан побагровел от натуги. Казалось, сейчас его глаза вылезут из орбит. С большим трудом ему удалось вытолкнуть клубок наружу. «Не иначе, как конец света наступает!» — судорожно икнув, подумал капитан.

Сломанная грот-мачта не падала, а, поддерживаемая снастями, моталась из стороны в сторону по палубе, круша все вокруг. Находиться теперь на палубе стало вдвойне опасно. Но обрубить удерживавшие ее канаты не было никакой возможности.

А шторм не унимался. Беснуясь, он ревел дико и неистово. Сжатый до предела воздух наотмашь бил по лицу, осатанело визжал в уцелевших снастях, рвал остатки растрепанных парусов, ломал уцелевшие рей. Пуще прежнего бушевало море. Оно ходило огромными валами. Налетая друг на друга, валы образовывали то головокружительные водовороты, то сопровождаемые пушечными ударами гигантские

всплески.

Постепенно к дикой какофонии шторма стало присоединяться новое нагромождение звуков – не менее грозных и зловещих.

Эти звуки привлекли внимание Киттинга. С трудом удерживаясь побелевшими от напряжения руками за ходивший ходуном леер, он напряженно, до рези в глазах всматривался туда, откуда доносились эти зловещие звуки. Неожиданно вдали, в мутном просвете между смешавшимися в одно целое клокочущими валами и низко клубящимися черными тучами на миг показались смутные очертания высокого берега. Киттинг узнал эти очертания, и его и без того бледное лицо побелело еще больше. Цепляясь за что попало, Киттинг приблизился к стоявшему неподалеку Хейвуду и, с трудом открыв рот, прокричал ему в самое ухо:

– Капитан! Нас сносит к Чаросу! Впереди камни Троячка! Смотрите вон туда!

– Это конец, Киттинг! – разглядев за плотной пеленой водяной пыли силуэт известной многим морякам подводной скалы Перст Нептуна, выкрикнул в ответ Хейвуд. Он прижал ко рту ладони рупором и, дождавшись, когда чуть ослабнет вой ветра, что есть мочи прокричал: – Судно гибнет! Спасайся кто как может!

Хватаясь за обрывки такелажа и остатки лееров, преодолевая из последних сил бешеный напор ветра и каждую секунду подвергаясь опасности быть смытым за борт, капи-

тан пробрался к своей каюте. Дверь оказалась заклиненной, и Хейвуду пришлось приложить немало усилий, чтобы взломать ее. Это стоило ему нескольких ободранных в кровь пальцев и сломанных ногтей.

Каюта напоминала свалку. Ее пол был усеян хаотично передвигавшимися картами, книгами, оружием, одеждой, пачками табака, какими-то свертками и другими, неизвестными даже хозяину каюты предметами.

Первым делом Хейвуд поднял с пола свой сундучок. Но открыть он его не успел: послышался ужасающий скрежет и треск, и судно, вздрогнув всем корпусом, резко накренилось на правый борт – «Сан Антонио» налетел на камни Троячка.

«Это конец!» – падая, успел подумать Хейвуд. Он так ударился головой об угол столика, что едва не потерял сознание. Сундучок полетел в другую сторону и с такой силой грохнулся о переборку (поскольку судно уже лежало на борту), что раскрылся сам, без ключа. Деньги и драгоценности рассыпались по переборке, смешавшись с прочим хламом.

Хейвуд ухватил горсть монет и высыпал их в карман камзола. Затем увидел коробочку с браслетом молодой испанки. Он сунул ее за пазуху и, даже не взглянув на остальное, стал поспешно выбираться из каюты. Сделать это было непросто, поскольку дверь оказалась там, где должен был находиться потолок. Когда же капитан выкарабкался в коридор, навстречу ему уже неслись бурные потоки пенящейся

воды. Ценой невероятных усилий, захлебываясь и обдирая в кровь руки, Хейвуд выбрался все-таки наружу.

Судно лежало на борту, готовое под напором волн в любое мгновение опрокинуться кверху килем. Хейвуд осмотрелся. Повсюду из клокочущей воды торчали острые выступы подводных скал. Между ними там и сям выныривали из пены головы пиратов. Выныривали и тут же исчезали назад. Иные – навсегда. Несколько пиратов, не решаясь оставить судно, цеплялись за мачты и реи и свисавшие с них обрывки снастей.

Видя, что галеону осталось жить считанные секунды, Хейвуд решил добираться до берега, смутно угадывавшегося за Перстом Нептуна. Рискуя свалиться вниз, после нескольких неудачных попыток он дотянулся наконец до свисавшего рядом каната, уцепился за него израненными руками и стал медленно спускаться. Но не успел он преодолеть и ярда, как раскачивавшийся на спутанных снастях тяжелый обломок реи со всего маху ударил его по кистям рук, припечатав их к палубе. Кисти в мгновение ока превратились в кровавые лепешки.

Дико заорав от невыносимой боли, Хейвуд камнем полетел в кипящую пучину. Последнее, что почему-то вспомнилось вдруг пиратскому капитану, была падающая с борта галеона в воду юная испанка.

Через минуту «Сан Антонио» разломился надвое и тут же скрылся под водой...

Книга вторая

Заклятие продолжает действовать

Считай, что я безработный

Подняв кверху реденькие брови, что должно было означать крайнее недоумение, высокий тощий матрос в лихо заломленном берете добрую минуту смотрит свысока на буфетчицу, затем – на поставленную перед ним рюмку с виски, переводит взгляд обратно на девушку и только после этого, язвительно ухмыляясь, басит:

– Проснись, красавица! Я ведь просил не виски, а кальвадос. Слушать надо!

– Правда? Ой, извините! Мне показалось... Сейчас поменяю, – заметно смутившись, виновато произносит буфетчица.

Мона Вилар, так зовут буфетчицу припортового трактира «Причал моряка», – среднего роста крепко сбитая миловидная девушка лет восемнадцати с полными, слегка припухшими губами, плавно очерченным подбородком и струящимися на плечи каштановыми волосами, с большими, широко посаженными карими глазами, которые, словно стремясь проникнуть в сущность виденного, смотрят на мир прямо и вни-

мательно. На ней простенькое темно-зеленое платье, которое, несмотря на свою простоту, как нельзя лучше подчеркивает соблазнительные девичьи формы, старательно выглаженный белый фартучек, и белая же накладка на голове, оттеняющая смуглое лицо. Проступающий из-под загара легкий румянец, вызванный смущением, делает лицо девушки еще больше привлекательным.

– Да ладно уж! – снисходительно роняет матрос, посчитав, что наказания в виде растерянности буфетчицы на первый раз вполне достаточно. – Здесь, – матрос выразительно хлопает себя по впалому животу, – места хватит и для виски, и для кальвадоса.

Явно рисуясь, он лихо опрокидывает виски в рот, удовлетворенно крикает, со звоном ставит рюмку на стойку и громко говорит, чтобы слышала не только буфетчица:

– А теперь – кальвадос!

Когда заметно повеселевший матрос, с излишней осторожностью держа перед собой на подносе новую, уже третью, рюмку с кальвадосом, бутылку пива и блюдо с бутербродом, отходит от стойки и направляется к свободному столу, к Моне подходит ее напарница Люси Донген, полная молодая женщина, ведавшая «закуской», то есть приготовлением бутербродов.

– Да очнись ты наконец, Мона! – зачем-то оглянувшись, громко шепчет Люси. – Сколько можно думать об одном и том же? Никуда он не денется, твой Эдвин. Подумаешь,

ушел в рейс на две недели! Люди по году плавают и ничего – возвращаются.

Мона, еще больше покраснев, словно ее уличили в чем-то нехорошем, не столько со злости, сколько из стремления скрыть смущение сердито бурчит:

– Отстань, Люси! Обойдусь как-нибудь без твоих замечаний.

Люси негодующе встряхивает внушительного объема бюстом и с обиженно надутыми губами отходит на свое место, пробубнив напоследок:

– Ну и обходись! Подумаешь...

Мона тут же подходит к напарнице, берет ее за руку и, заглядывая в глаза, виновато говорит:

– Люси, не обижайся. Сама знаешь...

– Да уж знаю... – примирительно молвит расчувствовавшаяся Люси. – Тоже места не находила, когда мой Стив уезжал в Марсель на заработки.

– Ну, вот видишь... – Мона в знак окончательного примирения слегка пожимает руку подруги. – А ты хочешь, чтобы я оставалась такой же бесстрастной, как тот чугунный памятник адмиралу Рохасу на Набережной Мориона.

Время раннее – идет десятый час, – и потому трактир «Причал моряка», можно сказать, пустует. Лишь несколько человек, преимущественно матросы без места, сидят кое-где за столиками и неторопливо потягивают пиво из высоких бокалов. А один, загулявший, по всей видимости, так тот и во-

все спит, откинувшись на спинку стула, и время от времени громко, по-лошадиному всхрапывает.

Через настежь открытые окна в трактир вместе с утренней свежестью доносятся гудки приближающихся к Мориону пароходов, скрежет портовых кранов, усиленные рупорами команды вахтенных офицеров, отдающих швартовы кораблей, зычные выкрики расхваливающих свой товар мелких торговцев. В «Причал моряка» эти звуки доносятся вроде как из другого, далекого мира.

Но вот занавес из бамбуковых палочек на входной двери трещит, раздвигается, и в трактир вваливается компания из трех посетителей, по всему виду, моряков торгового флота. Моряки привносят с собой в трактир некоторое оживление.

– Корт, дружище! – узнав в одном из вошедших знакомого, с преувеличенным радушием кричит успевший порядком захмелеть долговязый любитель кальвадоса. – Откуда? Какими ветрами? Ведь «Дукат» должен находиться в океане! Или ты заснул в объятиях красотки Долорес и опоздал к отплытию судна?

Уловив краем уха – обычно Мона не прислушивается к разговорам в трактире – слово «Дукат» и еще не осознав толком, о чем идет речь, девушка перестает протирать рюмки и вся превращается в слух.

– Брось трепаться, Марк! – неохотно отзывается неестественно прямой парень с постным выражением на продолго-

ватом лице, явно не расположенный к зубоскальству. – Никуда я не опаздывал. Вернули «Дукат» с полпути, вот и все.

– Как вернули? – на сей раз долговязый удивлен по-настоящему. – Почему вернули?

– Мне об этом не докладывали. Вернули – и баста! – отмахивается вошедший.

Долговязому ничего не остается, как пожать плечами и закатить кверху глаза, то есть показать высшую степень недоумения.

– Ребята, вы в самом деле с «Дуката»? – спрашивает Мона матросов, когда те останавливаются перед стойкой и начинают в поисках денег рыться в карманах.

– А что, разве по нам не видно? – выпятив грудь, с наигранной молодцеватостью выкрикивает низкий толстячок, принадлежащий, вне всякого сомнения, к категории людей, не привыкших унывать. Его приятель, знакомый уже нам Корт, человек явно противоположного склада характера, видя, что девушка интересуется не просто так, от нечего делать, указывая на толстяка, говорит:

– Не обращайтесь на него внимания, – и обстоятельно разъясняет: – Да, мы с «Дуката», будь он неладен. Вчера вечером, когда мы были уже в ста двадцати милях от Мориона, нас вернули пограничники. Почему, зачем – никто толком не знает...

– Где стоит «Дукат»? – недослушав рассказ матроса, спрашивает Мона.

– У шестого пирса.

Мона подходит к напарнице.

– Люси, поработай пока одна, я сбегаю к причалу. Может, увижу Эдвина. Хорошо?

Люси осуждающе качает головой, неопределенно хмыкает и решительно заявляет:

– Если любит – сам зайдет! Дорогу знает, – но, заметив, как вытянулось лицо подруги, тут же смягчается: – Ладно. Валяй к своему Эдвину! Только долго не будь – скоро обед, народу понапрется...

На пороге трактира Мона на какой-то миг останавливается, привыкая к яркому солнечному свету. Успевшее уже порядком раскалиться солнце обильно посылает на землю горячие лучи. Небо над Морионом висит гигантским ультра-мариновым шатром.

Блаженно жмурясь, Мона глубоко вдыхает пахнувший йодом и солью свежий воздух, который приносит с моря легкий бриз. Ветерок осторожно шевелит листьями акаций и высоченного тополя, растущего перед входом в «Причал моряка».

В трактире Мона работает три месяца, но до сих пор не может привыкнуть к своей работе. Ей претят однообразные плоские шутки подвыпивших матросов, их липкие раздевающие взгляды и назойливое ухаживание. Да и кого может радовать скучная, монотонная работа, постоянный полумрак трактира, испытующие взгляды прижимистого хозя-

ина, подозревающего своих работников в воровстве?

Мона мечтала не о такой работе. Как и большинство мальчишек и девчонок портового города, она чаще всего видела себя на палубе стремительно несущегося по безбрежному морю белоснежного корабля: в туго надутых парусах гудит свежий ветер, он приносит откуда-то издалека пряные манящие запахи неведомых берегов и растений, ласково перебирает на голове волосы и охлаждает разгоряченное лицо. Она мечтала о далеких городах, в которых жили бы веселые и беззаботные люди, верные в дружбе и любви, люди, умеющие радоваться жизни.

А еще ей хотелось бы не спаивать матросов, а делать для них что-то хорошее, полезное. В такие минуты она видит себя чаще всего врачом, приносящим страдающим людям исцеление, а взамен получающим слова благодарности и признательные улыбки.

Но, увы! Морион переживает не лучшие времена – с работой в городе трудно. Тем более с хорошей работой. А чтобы выучиться на врача, нужны деньги. И немалые. А их-то у Моны как раз и нет: своих скопить еще не успела, а тех, что остались от отца и зарабатывает дядя, едва хватает на то, чтобы свести концы с концами.

Поэтому Моне ничего не остается, как довольствоваться тем, что есть: наливать морякам вино в трактире «Причал моряка». Выбора нет, и пока не предвидится.

Трактир находится рядом с портом, если не сказать в пор-

ту. Поэтому не проходит и пяти минут, как Мона уже торопливо шагает вдоль шеренги пирсов, к которым жмутся корабли всех мастей и стран.

К шестому, самому отдаленному, пирсу пристроился приземистый светло-серый сухогруз с грязно-красноватой полосой вдоль борта, обозначающей ватерлинию. Это и есть «Дукат». На судне и вокруг него шныряют люди в зеленой и синей форменной одежде – пограничники и таможенники. Подходы к пирсу перекрыты переносными барьерами и пограничниками с автоматами.

Мона подходит к толпе зевак, издали наблюдающих за судном и сходящими с него людьми. Лица покидающих судно людей хмурые и раздраженные. Каждый несет чемодан или сумку с нехитрым матросским скарбом.

Узнав в одном из сошедших школьного приятеля своего возлюбленного, Мона подбегает к нему:

– Дик, ты Эдвина случаем не видел? Он на судне или уже сошел?

– А-а, Мона. Привет! Уже соскучилась? – скорее грустно, чем радостно, улыбается молодой матрос. – Потерпи чуток, сейчас он появится.

Действительно, через минуту-другую на палубе «Дуката» появляется тот, кого ожидает Мона Вилар, – молодой человек лет двадцати двух, рослый, по-спортивному подтянутый, стройный. Голову с зачесанными назад темно-русыми волосами он несет высоко поднятой, с достоинством. Лицо

у него загорелое, открытое, с правильными мужскими чертами. Одет он более чем скромно: старые кроссовки, дешевенькие джинсовые брюки и простенькая белая футболка. С его плеча свисает спортивная сумка.

Подойдя к борту, Эдвин Трамп – так зовут парня – прикрывает глаза ладонью и осматривает причал. Заметив Мону, машет ей рукой и легко сбегает по сходням вниз.

– Эд, что случилось? – обеспокоенно заглядывая парню в глаза, спрашивает Мона.

– Ты освободилась надолго? – в свою очередь, интересуется Эдвин.

– Всего на несколько минут.

– Тогда идем. Я провожу тебя к трактиру и по дороге обо всем расскажу.

Впрочем, обо всем Эдвин не рассказывает. Раздосадованный и удрученный, он говорит скупно и неохотно:

– Вечером, перед закатом солнца, на палубу «Дуката» опустился вертолет пограничной охраны. После этого судно развернулось и легло на обратный курс, вот и все...

– Но почему? – недоумевает девушка.

– Толком никто ничего не знает. Пока – одни слухи. Поговаривают, что владелец «Дуката» Маурицио Альдона, соблазнившись большим кушем, тайком от команды и, похоже, даже от капитана пытался доставить на судне партию контрабандного оружия баскским сепаратистам в Бильбао.

– Как же могло случиться, что об этом не знал даже капи-

тан?

– Оружие грузили поздно ночью, когда капитан отдыхал, а на вахте стоял второй помощник. А этот второй помощник, Бен Паркер, – зять Альдоны. Каким образом о грузе узнали пограничники – неизвестно. Похоже, кто-то навел...

– И что же теперь будет? – Мона даже останавливается, чтобы заглянуть Эдвину в глаза.

– Не знаю, – передергивает плечами тот. – Судно арестовано. И неизвестно насколько. Возможно, его конфискуют и продадут другому владельцу... Словом, паршиво – хуже некуда! Считаю, что я снова безработный. А я так надеялся на этот рейс, – Эдвин удрученно качает головой. – И вот... Где теперь взять деньги на нашу свадьбу? Найти работу почти невозможно, вон сколько безработных! – Эдвин кивает в сторону небольшого серого здания с вывеской над входом «Биржа труда», перед которым толпится десятка три человек, преимущественно моряки.

– Ничего, – Мона нежно пожимает локоть Эдвина. – Со свадьбой можно и повременить. А можно и вообще без свадьбы...

– Можно, конечно, и повременить... Можно все, – соглашается Эдвин. – Но хотелось бы, чтобы было все как у людей. Чем мы хуже других?

Молодые люди стоят неподалеку от «Причала моряка», под старой акацией. У их ног на тротуаре дрожит синяя зыбкая тень. В листьях акации беззаботно чирикают воробьи.

В открытом окне трактира показывается в белых кудряшках голова Люси.

– Привет, Эдвин! – машет толстушка рукой. – Что-то очень уж скоро ты вернулся к своей Моне!

– Что поделаешь, – разводит руками Эдвин. – Соскучился!

– Может, зайдешь перекусишь? – спрашивает Мона, когда голова Люси скрывается в темном проеме окна.

– Нет, Мона. Спасибо! Пойду домой. Мать наверняка уже успела увидеть «Дуката». Думает там невесть что. Увидимся, как обычно, вечером на нашем месте.

Я видел это судно!

Морион – типично южный приморский город: шумный, пестрый и бестолковый. Впрочем, городом его можно назвать с большой натяжкой. В Морионе, во всяком случае в большей его части, нет и намека на планомерную застройку. Он вольно и живописно раскидан на склонах холмов, со всех сторон обступающих залив, похожий на пузатую бутылку с узкой горловиной. Иной раз кажется, что какой-то младенец-великан взял да, играючись, понатыкал где попало и как попало на этих холмах, среди деревьев, кустов и ручейков белые игрушечные домики, крытые красной черепицей, а уж потом люди, чтобы как-то общаться, соединили эти домики узкими кривыми улочками с неожиданными поворотами и тупиками, вырубленными в камне крутыми ступеньками, а кое-где и подвесными переходами.

И только внизу, на западном, дугообразном берегу бухты, можно обнаружить некоторые признаки города. Там вдоль широкой асфальтированной Набережной тянется длинный ряд большей частью старинных двух-трехэтажных домов самых разнообразных архитектурных стилей и школ. Знаток истории этой самой архитектуры без особого труда определил бы, что в Морионе в разное время хозяйничали и строили дома испанцы и англичане, французы и арабы, голландцы и итальянцы, греки и китайцы и даже выходцы из Афри-

ки. Дома стоят, тесно прижавшись друг к другу, и не всегда можно определить, где кончается один и начинается другой.

В бухте, вдоль Набережной теснятся сотни лодок, катеров и яхт. Можно подумать, что каждый взрослый житель Мориона является обладателем какой-нибудь плавающей посуды. Впрочем, предположение это не такое уж и далекое от истины.

Восточный берег бухты занимают постройки иного типа: низкие, длинные и закопченные. Это доки, судоремонтные мастерские, склады и пакгаузы. Между ними там и сям торчат подъемные краны со своими протянутыми в разные стороны железными руками. Это портовая часть Мориона.

Порт такой же пестрый и шумный, как и город. У его причалов и пирсов можно одновременно увидеть самый современный, сверкающий белизной теплоход и всю в черепичной пыли шхуну; грязный, устало пыхтящий буксир и словно сошедший со старинной гравюры стремительный клипер; изящное судно на воздушной подушке и танкер – длинный и черный, как гаванская сигара.

Под стать городу и порту и население Мориона. В этом поистине интернациональном сотысячном городе живут потомки и представители множества населяющих планету народов. Живут, в отличие от некоторых стран с более однородным населением, в мире, дружбе и согласии. Узнав из газет или радио о межнациональной бойне где-нибудь на Кипре или в Индии, морионцы никак не могут взять в толк,

что не поделили эти люди, что заставляет одних людей убивать других только за то, что те разговаривают на другом языке или молятся другому богу. Тоже, кстати, выдуманному.

Дело, наверное, в том, что морионцы давно перестали делить людей по национальностям и вероисповеданиям. Им совершенно безразлично, турок ты или португалец, грек или француз, католик или мусульманин. Морионцев прежде всего интересует, что ты за человек: хороший или плохой, умный или глупый, работающий или лодырь.

Вот почему здесь никогда не бывает межнациональных или межрелигиозных распрей. Ничего подобного не может вспомнить даже местная достопримечательность Пат Макинтош. А Пат Макинтош прожил в этом городе ни много ни мало сто одиннадцать лет!

Словом, населяет город народ доброжелательный, приветливый и жизнерадостный. Недаром среди моряков Морион слывет самым гостеприимным портом в мире.

Эдвин Трамп живет в западной части города. Небольшой двухэтажный дом из желтого известняка, в котором он с матерью вот уже больше двадцати лет занимают маленькую квартирку, стоит почти на самой вершине одного из холмов, окружающих бухту. Бухта отсюда, как, впрочем, и весь город, раскинувшийся вокруг нее амфитеатром, видна, как на ладони. Этим очень дорожит Эдвин. Он считает, что с местом жительства ему крупно повезло.

Эдвин выходит из дому, когда заметно подуставшее за день солнце, отдав все без остатка тепло земле, скрывается для ночного отдыха за виднеющимися вдали холмами Соларе и на Морион начинают стремительно опускаться сине сумерки. Со стороны хребта Рохо потягивает едва ощутимым ветерком. Он приносит в город запах нагретых за день камня, хвои и цветов.

Новый человек и днем может запросто заблудиться в хаотичном лабиринте улочек и проулков Мориона. Эдвин же знает этот лабиринт как свои пять пальцев и даже в потемках идет по ним уверенно, словно передвигается по собственной комнате.

Когда Эдвин приближается к центру, которым с незапамятных времен является Набережная, на улицах зажигается электричество, и город мгновенно преображается. Сотни огней в домах, в порту, на Набережной, на кораблях, отразившись и умножившись в бухте, словно по мановению волшебной палочки придают городу феерический, волшебный вид. Он становится наряднее, праздничнее и одновременно таинственнее и даже загадочнее.

До условленного часа остается несколько минут, но Мона уже на месте их постоянных встреч. Она сидит, накинув на плечи белую шаль, на дальней скамейке крошечного скверика, позади дома, в котором девушка живет.

Дом этот в Морионе знают все: он один из старейших в городе. На его фронтоне, которым дом смотрит на Набереж-

ную, выложена цифра «1709» – год постройки.

В отличие от ярко освещенной Набережной, в сквере почти темно и совершенно тихо. Он лишь слегка освещается падающим из окон светом, и сюда едва проникает шум с Набережной, на которой по вечерам собираются толпы веселящихся людей, где постоянно звучат музыка, песни, смех и ни на минуту не умолкает говор.

– Похоже, сегодня акула проглотила кита! – с деланным удивлением восклицает Эдвин, остановившись позади Моны.

Задумавшаяся девушка вздрагивает и стремительно оборачивается к Эдвину.

– Эдвин, как ты меня напугал! – укоризненно говорит она. Затем притягивает к себе склоненную над нею голову парня и чмокает его в щеку. – И чему ты так удивлен?

– Тому, что ты раньше никогда не приходила первой. А сегодня вдруг... Что-нибудь случилось?

– А-а... – досадливо отмахивается девушка.

– Что случилось, Мона? – Эдвин садится рядом, берет девушку за руку и, притянув к себе, заглядывает в глаза. – Выкладывай! Снова, наверное, дядя?

– Да, – неохотно отвечает Мона. После затянувшейся паузы продолжает: – Он был в порту, видел «Дукат» и знает, что ты снова без работы.

– Ну, и что... будет? – напрягшись, глухо выдавливает из себя Эдвин.

– Как «что будет»? – переспрашивает Мона. – А что должно быть?

– Нам придется расстаться?

Порыв ветра врывается в скверик душистой свежестью, с шумом проносится по верхушкам акаций, где-то хлопает ставней. И опять становится тихо. Только глухой гам с вселяющейся Набережной просачивается сюда сквозь частокол домов и деревьев.

– Э-эдвин! – взяв парня за руку, укоризненно тянет Мона. Можно подумать, что перед нею несмышленный младенец. – Ты такой большой и такой глупый. Как же мы можем расстаться, если мы любим друг друга? – Она притягивает Эдвина за голову и нежно, по-матерински целует его в лоб. – Нельзя нам с тобой расставаться. Понимаешь? Нельзя!

– Что же делать? – отзывается Эдвин.

– Не знаю! – простодушно пожимает плечами Мона. – В сущности, дядя хороший человек. И хочет он одно: чтобы моя жизнь сложилась как можно лучше. И это естественно – как-никак он мой опекун. К тому же он заменяет нам с Полем отца.

...Семь лет тому назад родители Моны погибли во время плавания на теплоходе «Баккардия», когда тот, следуя из Мориона в Зурбаган, попал в Патосском море в жесточайший шторм, налетел на подводные рифы и затонул. С той поры все заботы о Моне и ее младшем брате Поле взял на себя их дядя по отцу Жозеф Вилар, скромный чиновник го-

родского муниципалитета со скромным достатком. Понятно, что необходимого образования своим племянникам дядя дать не может. Для этого необходимы средства. А их у Жозефа Вилара отродясь не было. Поэтому Мона смогла окончить только лицей, после чего вынуждена была идти работать. Поль – ему идет шестнадцатый год – пока учится в лицее. И все же дядя, который искренне любит племянников – своих детей у него нет, – не теряет надежды устроить их судьбу. Или хотя бы одного из них – Моны. Ее счастье он видит в удачном замужестве. Мона – девушка привлекательная, умная и покладистая – так, во всяком случае, кажется Жозефу Вилару – и потому вполне может рассчитывать на «хорошую партию», как любит выражаться дядя в разговорах со своей женой, тихой и болезненной Анной Вилар.

И надо признать, что времени дядя даром не теряет. В последнее время он осторожно, но настойчиво ведет переговоры на сей счет с владельцем небольшого колбасного заводика Микасом Скуфасом, сыну которого, Одиссею, приглянулась Мона. Дядю несколько не смущает то обстоятельство, что, в отличие от своего легендарного тезки, этот Одиссей в свои тридцать лет напоминает разжиревшего борова, да и умом особым не блещет.

Впрочем, если есть деньги, большого ума не надо, считает Жозеф Вилар. А деньги у Скуфасов есть. Это знает весь город. Они живут на широкую ногу и потому слывут в Морионе весьма уважаемыми людьми.

Вот почему дядя Жозеф и слушать не хочет о каком-то Эдвине Трампе, у которого за душой нет и ломаного песо. Как нет и надежды на обеспеченное будущее. Но Моне очень не хочется огорчать дядю, и потому она всячески оттягивает тот решительный и окончательный разговор, когда придется выложить ему всю правду. А правда эта заключается в том, что они с Эдвином давно любят друг друга и ни о каком другом счастье, как быть вместе со своим возлюбленным, она и не помышляет.

Какое-то время Мона и Эдвин молчат. Каждый думает о своем. Вернее будет сказать, думают они об одном и том же: как быть дальше?

Конечно, Эдвин мог бы на год-два поехать на заработки в Южную Африку, Канаду или, на худой конец, в Германию. Но он не может этого сделать по той причине, что не представляет себя там без Моны. Да и Мона не мыслит себе и дня без Эдвина. Она и слушать не хочет о разлуке. Можно поехать вдвоем. Но как быть с дядей? Это было бы для него таким ударом, который он вряд ли смог бы вынести...

Неожиданно где-то неподалеку в сквере, чуть ли не под окнами домов, хриплый бас начинает истошно орать разухабистую матросскую песню. И тут же ему вторит визгливый тенор. Поют, похоже, подвыпившие матросы, которые случайно забрели в сквер. Концерт матросов приходится по вкусу не всем, потому что уже после первого куплета из верхних окон кто-то доверительно спрашивает:

– Ребята, вас там что, режут? Или кожу сдирают? Детей перепугаете!

– Тоже мне... Шаляпин с Карузой объявились! – слышится из другого окна еще один голос, намного язвительнее первого.

Сконфуженные таким приемом матросы выкрикивают еще несколько неуверенных звуков и умолкают. И снова в скверик долетает только приглушенный гул с Набережной.

Стремительное начало концерта моряков и такое же стремительное его окончание заставляют Эдвина и Мону от души посмеяться. Однако веселье длится недолго. Как бы размышляя сама с собой, Мона со вздохом произносит:

– Почему такая несправедливость: одни купаются в роскоши, не знают, куда девать деньги, в то время как другие из-за отсутствия этих денег не могут пожениться? Казалось бы, что может быть проще: двое людей любят друг друга, хотят соединить свои судьбы, хотят вместе делить радости и невзгоды. Ан нет! Не могут! У них нет денег...

– Что поделаешь? – соглашается с Моной Эдвин. – Так устроен мир, в котором деньги – все. Без денег невозможно ни родиться, ни жениться, ни умереть.

– Да-а-а... без денег никуда, – задумчиво тянет Мона. И тут же грустно усмехается: – Вот и стихами заговорила.

– От такой жизни по-волчьи можно завывать, – говорит Эдвин.

– А ведь есть деньги! – оживляется Мона. И даже поворачи-

чивается к Эдвину. – Много денег! И деньги эти валяются почти что под ногами. Только взять их невозможно...

– Ты о чем? О каких деньгах? – недоумевает Эдвин.

– Да это я так... – конфузится девушка. – Вчера прочитала одну вещь...

– Расскажи.

– Ладно, слушай, – начинает, собравшись с мыслями, Мона. – На чердаке нашего дома испокон века валяется куча старых книг и бумаг. Остались от кого-то из прежних жильцов. Сколько я себя помню, они лежат там в углу. В детстве я любила играть на чердаке – перебирала книги, рассматривала картинки... И вот вчера, когда на меня что-то нашло... и мне стало тоскливо... я почему-то вспомнила детство: залезла на чердак и стала перебирать книги. И знаешь, что я нашла среди них?

– Нет, – мотает головой Эдвин.

– Я нашла среди них одну занимательную старинную хронику. Не пойму, почему она раньше не попадалась мне на глаза. А может, я просто не обращала на нее внимания. Впрочем, это и неудивительно: в детстве такие книги меня не очень интересовали. Я больше любила читать художественную литературу. Так вот... В этой хронике описывается, как во время одного сильного шторма у острова Чарос погиб захваченный пиратами испанский галеон «Сан Антонио». Это случилось в 1685 году. И что, ты думаешь, находилось на том корабле? – спрашивает Мона с заметным от-

тенком загадочности.

– Не знаю, – прикидывается простачком Эдвин. Он сразу догадался, каким мог быть груз испанского корабля, захваченного пиратами, но ему не хочется портить Моне настроение первооткрывателя.

– На том судне, – торжественно объявляет девушка, – находились две бочки с золотом и три с серебром. Не считая разного там экзотического товара. Представляешь?! Вот я и подумала: нам бы хоть сотую, пусть даже тысячную часть этого богатства, и тогда все было бы по-другому...

Мона мечтательно поднимает глаза кверху. Там, в сонно шумящей листве акации, путаются, перемигиваясь, яркие звезды. То появляясь, то исчезая, они словно играют в прятки.

– Да, тогда все было бы по-другому, – наследуя Мону, мечтательно произносит Эдвин. Помолчав, спрашивает: – А где именно погиб тот корабль?

– Я же говорила: у острова Чарос.

– Остров Чарос большой. В хронике не указываются более точные ориентиры?

– Там упоминаются какие-то скалы. Только, знаешь... – виновато усмехается девушка, – я забыла, как они называются. Такие, не совсем обычные названия... Не помню.

– Может, камни Троячка и скала Перст Нептуна?

– Точно! – обрадованно восклицает Мона. – Троячка и Перст Нептуна! А ты-то откуда знаешь? Ах да, ты же был

на Чаросе, когда учился на ныряльщика.

...Года два тому назад Эдвин учился на шестимесячных курсах аквалангистов и водолазов. Тогда-то и побывал он на Чаросе – там курсанты проходили месячную практику. Правда, и с приобретением новой профессии дела парня ничуть не улучшились. Оказалось, что школа выпускает аквалангистов намного больше, чем это требуется. Устроиться в Морионском порту и пароходстве удалось немногим. Работу смогли найти лишь те, у кого были связи или влиятельные родственники.

– И представь себе, – здесь Эдвин делает многозначительную паузу, – я видел это судно! Точнее, его остатки.

– Правда? – удивляется Мона. Но ее удивление тут же сменяется сомнением: – А как ты знаешь, что видел именно то судно, о котором рассказывается в хронике?

– Помнишь, я как-то показывал тебе старинную золотую монету?

Мона утвердительно кивает.

– Это был испанский дублон 1685 года чеканки. А «Сан Антонио» когда погиб?

– В тысяча шестьсот восемьдесят пятом году...

– А нашел я ту монету у камней Троячка между обломками старинного судна. Следовательно, нет ни малейших сомнений, что я видел «Сан Антонио».

– Это же надо! – качает головой Мона. – Я случайно прочитала о судне, которое погибло больше трехсот лет тому на-

зад, а ты, тоже случайно, видел его и даже нашел часть, пусть и ничтожную, его сокровищ. Странное совпадение...

– Не странное, а очень даже, может быть, символичное! – поправляет девушку Эдвин, многозначительно подняв вверх палец. – Ты не могла бы дать мне эту хронику на время. Я тоже хочу прочесть ее. Где она сейчас?

– Я взяла ее домой.

– Мона, не ленись, вынеси мне ее.

– Хорошо, вынесу. Только зачем она тебе? Это же не роман. И даже не рассказ.

– Ты же знаешь, что я люблю читать о морских приключениях, – уклончиво отвечает Эдвин. – И хроники читаю с удовольствием...

– Ладно. Жди.

Через несколько минут Мона возвращается, держа в руках по свертку.

– Вот это хроника, – показывает она завернутый в газету тонкий пакет. – А это – ватрушки. Сама пекла. Не съешь – не получишь хронику.

– Мона-а! – укоризненно тянет Эдвин. – Ну зачем? Я не голоден. А то, что ты отлично готовишь, я и так давно знаю.

– Ешь и не разговаривай много! – топает ногой девушка.

– Ну, хорошо. Подчиняюсь. Спасибо.

Покончив с ватрушками, Эдвин берет в руки хронику. Берет бережно, как большую драгоценность.

– Подумать только, этим записям наверняка больше четверти тысячелетия! – говорит он с уважением. – Ведь это история! Надо будет сдать эти записи в музей. Ты не возражаешь?

– Делай, что хочешь. Можешь оставить себе, хочешь – сдай в музей.

На этом молодые люди расстаются.

С тобой мне ничего не страшно

В черной, как нефть, воде бухты дрожат отражения портовых и корабельных огней. Бухту, деля ее надвое, пересекает лунная дорожка, прямая и узкая, как натянутый канат. Сама луна, похожая на спелый лимон, неподвижно висит над портом в окружении равнодушно перемигивающихся звезд. У причалов и на якорях, осторожно поскрипывая, сонно покачиваются лодки и катера. Едва ощутимый бриз лениво перебирает листья олеандров и платанов, которыми усажена Набережная.

Откинув назад голову и подставив разгоряченное за день лицо освежающему ветерку, на краю длинной скамейки сидит, задумавшись, Эдвин. За день он исходил почти весь город в поисках работы, но все его старания были напрасными – работы как не было, так и нет. Остается ждать случая. Но когда-то этот случай подвернется...

Сзади слышатся легкие торопливые шаги, и не успевает Эдвин обернуться, как теплые ладони закрывают ему глаза, и над головой слышится учащенное дыхание. И тотчас все тревоги и переживания Эдвина куда-то улетучиваются, и на душе становится спокойно и даже уютно. Он еще крепче прижимает к лицу девичьи ладони и так, неподвижно, сидит добрую минуту.

– Эд, ты не сердишься? – усаживаясь рядом и виновато

заглядывая парню в глаза, спрашивает Мона.

– Я злой, как тот дракон, которого целый год не кормили молодыми красивыми девушками! – сердито рычит Эдвин. – Такой злой, что готов съесть тебя целиком! – Он обхватывает голову девушки своими широкими ладонями, притягивает к себе и крепко целует ее в зажмуренные от счастья глаза.

– Эд, что ты делаешь? Кругом же люди!

– В другой раз будешь знать, как опаздывать!

– Понимаешь, у нас были гости, тетина сестра с дочерьми, и было неудобно оставить их... – оправдывается Мона, но Эдвин перебивает ее:

– Все ерунда. И все уже позади. Я рад, что ты здесь.

– Я тоже рада видеть тебя. Как прошел день?

– Хуже некуда, – неохотно отвечает Эдвин. – Целый день оббивал пороги разных контор в поисках работы, и все без толку.

– Да-а... – вздыхает Мона и, чтобы отвлечь Эдвина от мрачных мыслей, переводит разговор на другое. – Хронику прочитал? Интересная?

– А как же! Конечно, прочитал, – оживляется Эдвин. – Любопытнейшая хроника! И ты знаешь, Мона, я думаю, что эти записки могут стать нашим спасением. Возможно, сама судьба послала нам эту хронику...

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать... – волнуется Эдвин, – что похоже на то, что у нас появился шанс... и мы не должны упустить его.

Необходимо попытаться...

– Эд, выражайся яснее. Я ничего не понимаю. О чем ты?

– Сейчас ты все поймешь, Мона, – говорит Эдвин, взяв девушку за руку. – Еще вчера, когда ты заговорила о хронике и «Сан Антонио», я подумал, что неплохо было бы заняться поисками этих сокровищ. А сегодня... после того как я прочитал эту хронику и в десятках двух контор на вопрос о работе получил отрицательный ответ, я всерьез задумался о «Сан Антонио». И решил, что мне надо попытаться найти эти сокровища.

– Неужели ты думаешь, что испанское золото до сих пор там?

– А почему бы и нет? Во всяком случае, я никогда не слышал, чтобы у Чароса находили подводные сокровища. Так почему бы не попытаться сделать это мне? Ты же знаешь, что я почти что профессиональный ныряльщик. И потом... я не вижу другой возможности раздобыть денег. Не идти же мне в карманники или грабители.

– Наверное, ты прав, – помолчав, отзывается девушка. – Но почему ты один? Я не представляю, как можно искать сокровища в одиночку под водой, где можно наткнуться на акулу или осьминога. Кто тебе поможет в случае какой-нибудь беды?

– Я еще не думал об этом. Возможно, я подыщу себе компаньона. А то и двух...

– Эдвин, ты не так меня понял, – мягко перебивает парня

Мона. – Я хотела спросить: почему ты один, а не мы вдвоем?

– Ах, ты вот о чем! Но, Мона... – Эдвин нежно проводит ладонью по щеке девушки. – Искать сокровища, да еще на морском дне, дело... не женское.

– Это ты так думаешь, – в голосе Моны слышатся незнакомые Эдвину упрямые нотки. – А я думаю иначе. Совсем иначе! Ты же знаешь, что я и плаваю неплохо, и нырять умею, я ведь выросла на этой вот Набережной. К тому же деньги нужны нам обоим в равной степени. Так что...

– Все это так, Мона. Ты у меня просто молодчина. Но предстоит трудная и небезопасная работа...

– Пустяки! – стоит на своем девушка. – Ведь мы будем там вдвоем. А с тобой мне ничего не страшно. Вон какой ты сильный! С тобой я буду чувствовать себя как за каменной стеной.

Однако лесть Моны не оказывает ожидаемого воздействия на Эдвина.

– Зато мне будет страшно с тобой, – продолжает он отпираться. – Точнее сказать, мне будет страшно за тебя.

– Эдвин, это решено! – твердо заявляет Мона. – Если ты отправляешься на Чарос, я с тобой! И все твои доводы против напрасны.

– Хорошо, допустим, ты едешь со мной. А как же твой дядя? Что будет с твоей работой? Что скажут соседи, наконец? Мона растерянно хлопает глазами.

– Не знаю. Я еще не успела подумать об этом... А впро-

чем, — голос девушки снова крепнет, — думаю, все уладится — и с дядей, и с работой, и тем более с соседями. У нас еще есть время, чтобы все обдумать. Мы же не завтра отправляемся...

— Ну, Мона! — сокрушенно вздыхает Эдвин, что должно означать согласие. — Смотри, чтобы потом не жалела. Кто знает, найдем ли мы это золото...

— Что будет, того не миновать, — философски замечает девушка. — Давай лучше прикинем, что нам необходимо для этой поездки.

Разговор молодых людей прерывает неожиданное появление на Набережной брата Моны — рослого на свои пятнадцать лет, по-юношески нескладного паренька в вытертых джинсах и черной футболке. Не обращая ни на кого внимания, он с независимым видом дефилирует вдоль парапета, затем возвращается и только теперь «случайно» замечает сестру и Эдвина.

— А-а, Мона! Вот ты где! — удивленно басит он хрипловатым ломающимся голосом. — А это кто с тобой? Ах, Эдвин... Привет, Эдвин! А я и не заметил вас сразу.

— Привет, Поль! Как жизнь молодая? — улыбается Эдвин.

— Да так себе, помаленьку, — по-взрослому солидно отвечает Поль. Несмотря на пробивающийся на верхней губе пушок и торчащие ежиком коротко остриженные волосы на голове, он разительно похож на сестру: те же широко посаженные глаза с открытым внимательным взглядом, тот же корот-

кий прямой нос, те же полные, слегка припухшие губы.

– Признавайся, тебя дядя послал? – спрашивает напрямик Мона брата.

– Да нет... – мнется Поль. – А вообще-то – да... Он велел сказать тебе, чтобы ты шла домой. Тете надо что-то помочь...

– Поль, но ведь еще детское время! – с деланой укоризной восклицает Эдвин. – Ты бы имел совесть!

– Скажи об этом дяде, – кивает головой паренек в сторону дома с цифрой «1709» на фронтоне. – Кстати, он поручил еще мне посмотреть, с кем гуляет Мона. Не с тобой ли, случаем. Понял? Но вы не подумайте, что я скажу ему правду, – глухо бубнит Поль. – Я не доносчик!

– Поль, ты хороший парень! – без тени насмешки говорит Эдвин. – Мона сейчас придет.

Мы люди честные!

В Морионе за полночь – время, когда сон особенно крепок и сладок. Кажется, в такую позднюю пору вряд ли кто может появиться на улице. Тем более на такой глухой и отдаленной, как Речная, протянувшаяся вдоль тихой Сампы на южной окраине Мориона. Хотя прилагательное «вымершая» давно стало заезженным штампом, в данном случае без него никак не обойтись. Улица действительно кажется вымершей – на ней собаки и те спят, начисто забыв о своих собачьих обязанностях хоть изредка полаивать.

Вдобавок к этому вся улица погружена в непроглядную темень. Лишь одна лампочка светится над воротами торгового склада «Бижутерия и галантерея Р. Томаса». Да и та, будучи убранной под колпак из толстого стекла, едва освещает ведущие на территорию склада металлические ворота из толстых арматурных прутьев и пристроившуюся к ним сбоку крошечную сторожевую будку с окном во всю стену.

В будке, прислонясь спиной к стенке, задрав кверху голову и выставив острый кадык, спит, сидя на табурете, старик-сторож. Перед сторожем висит на стенке старое ружье. Не будет большим преувеличением сказать, что из этого ружья стреляли если не солдаты Наполеона Бонапарта, то уж парижские коммунары наверняка.

И все же спят в эту ночь, оказывается, не все.

Вынырнув из темноты, у ворот склада «Бижутерия и галантерея Р. Томаса» останавливается высокий грузный мужчина в мешковатом костюме и затеняющей лицо широкополой шляпе с чемоданом в руках. Ноги мужчины то и дело подгибаются, и он с трудом удерживает вертикальное положение. Из этого можно сделать вывод, что совсем недавно мужчина принял изрядную дозу горячительного. Бормоча что-то под нос, ночной гуляка стучит ногой по воротам.

Сторож в будке вздрагивает, ударяется затылком о стенку, испуганно хлопает глазами и, вскочив на ноги, хватается за свой мушкет. Увидев у ворот мужчину с чемоданом, он в сердцах чертыхается, сует ружье под мышку, будто это зонтик или трость, и выходит из будки.

– Кого тут еще носит по ночам? – ворчит сторож хриплым со сна голосом. – Чего надо?

– Друг, извини! – с трудом выдавливая из себя слова, мычит подошедший. – Тут, понимаешь, какое дело... Но если ты...

– Не тяни! Говори, что надо! – сердито обрывает незнакомца окончательно проснувшийся сторож и подозрительно оглядывает нежданного гостя с ног до головы. Хотя лица под надвинутой на глаза шляпой рассмотреть он не может, но чемодан из дорогой кожи несколько успокаивает сторожа.

– Нализался! – укоризненно качает он головой.

– Не нализался, а заблудился! Сколько можно объяснять? – уточняет, икнув, мужчина. – Никак не найду дом

своего друга, Бобби Стингера. Кореша моего старого так зовут – Бобби Стингер. Сто лет с ним не виделись! В гости к нему приехал, понимаешь... Да вот... хибары его не могу найти.

– Еще бы! – хмыкает насмешливо сторож. – У тебя что, дня не было?

– Так я же с поезда только что! Неужели не видно? – удивляется несообразительности сторожа незнакомец. – В час ночи приехал сан-крисдобальским. Ждать до утра долго, вот я двинул пешком. Сюда кое-как добрался – ребята из полицейского патруля дорогу показали. Да и город более-менее освещен. А здесь у вас, как у негра, извини, в заднице – ни черта не видать. Всего-то и свету на всю улицу, что твоя лампочка. Вот я на нее и пошлепал. А ты сразу сердиться...

– Ну, и что тебе надо? Я никаких Бобов не знаю! – вспомнив, по-видимому, что он «при исполнении», строго говорит сторож.

– Как что? – недоумевает незнакомец. – Хочу, чтобы ты помог мне! Бобби прислал мне план этой самой... Речной улицы. Это ведь Речная?

– Ну, Речная...

– Значит, все правильно! Бобби не соврал. Он парень – что надо. Нарисовал план вот какой... Днем я запросто нашел бы его дом. А сейчас темно, и я не могу сориентироваться. Понимаешь? А ты все тут знаешь. Вот посмотри, может, подскажешь.

Продолжая покачиваться, мужчина ставит у ног свой чемодан, достает из кармана сложенную вчетверо бумагу, разворачивает ее и показывает сторожу. Тот, пытаясь получше рассмотреть план, наклоняется вперед, касаясь лбом арматурных прутьев ворот.

И тут происходит неожиданное. Во всяком случае, для сторожа. Вмиг протрезвевший незнакомец проворно просовывает руку между прутьев, хватая сторожа за затылок и с силой прижимает лицом к этим самым прутьям. Пока опешивший сторож пытается понять, что происходит, и раздумывает, кричать ему или не кричать, незнакомец вынимает из кармана пиджака пропитанный хлороформом платок и зажимает им сторожу нос и рот. Поняв наконец, что все это мало похоже на шутку, сторож, ухватившись за прутья, пытается вырваться из железных тисков незнакомца. Но все его усилия напрасны, сопротивление приводит лишь к тому, что из подмышки выскальзывает его антикварное ружье. А вскоре и сам сторож, обмякнув и перестав сопротивляться, медленно сползает вниз и мирно укладывается на асфальте.

Выждав несколько секунд и убедившись, что кругом спокойно, мужчина тихонько свистит. Тотчас из темноты появляются еще три мужские фигуры...

А спустя два часа, когда небо над далеким хребтом Рохо начинает медленно наливаться нежным розовым светом, в окно дома, в котором живет владелец магазина «1001 ме-

лочь» Маркус Финт, кто-то осторожно стучит. Круглый приземистый Финт, путаясь в длинной ночной сорочке, скатывается с высокой старомодной кровати и, шлепая по полу босыми ногами, подходит к окну. За окном смутно маячит мужская фигура. Финт открывает форточку.

– Кто там? Ты, Рекс?

– А то кто же? Не видишь, что ли! – слышится в ответ приглушенный голос. – Мы с товаром. Открой!

– Что там еще за товар? – открывая дверь, недовольно бубнит хозяин. Можно подумать, что сейчас он отправит ночного гостя восвояси. Но недовольство Финта явно наигранное – не дожидаясь ответа на свой вопрос, он тут же, перейдя на шепот, торопливо говорит: – Ладно, потом разберемся. Тащите пока все сюда.

Не говоря ни слова, человек, которого Маркус Финт называл Рексом, оборачивается и подзывает кого-то невидимого взмахом руки. Тотчас из-за угла дома появляются один за другим трое мужчин. Сгибаясь под тяжестью сумок и свертков, они следом за Рексом проскальзывают мимо хозяина в открытую дверь. Из темного коридора все пятеро, спотыкаясь и наталкиваясь друг на друга, попадают в напоминающую склад комнату без окон, с тяжелым, затхлым воздухом. Под потолком комнаты горит тусклая, покрытая густым слоем пыли лампочка. Ее света едва хватает, чтобы рассмотреть ночных пришельцев.

Из всей четверки наибольшее внимание на себя обраща-

ет своим франтоватым видом Вилли Рекс – среднего роста плотный мужчина сорока пяти лет с женским задом, короткими, не привыкшими к труду руками и большой круглой головой на короткой шее. Припудренное, тщательно выбритое лицо Рекса состоит из надменно поднятых черных бровей, таких же черных навывкате глаз, большого с горбинкой носа, тонких щегольских усиков и полных ярких губ. Стремясь казаться элегантным, Рекс даже в жару носит тройку – правда, белую, – бабочку и шляпу. И сейчас, ночью, он одет с претензией на франтовство: темные брюки, светлый в клетку пиджак в талию, белая рубаша, пестрый с пальмой и яхтой галстук и неизменная велюровая шляпа, из-под которой выбиваются вьющиеся черные волосы.

Встречающиеся Рексу люди принимают его обычно за ресторанный певца или официанта из того же ресторана. К сожалению, Вилли Рекс не певец из ресторана и не услужливый официант. По профессии, перенятой от отца, как и по роду занятий, Вилли Рекс – бандит и налетчик. Больше того, он главарь банды грабителей и налетчиков.

Банда небольшая, но сплоченная. Помимо главаря, то бишь Рекса, в нее входят еще три человека. Все они вместе с главарем пожаловали в эту ночь в дом Финта, и у нас есть возможность познакомиться со всей бандой сразу.

Смахивающий на гориллу большой, грузный и мохнатый Авас – самый пожилой в этой компании – ему больше пятидесяти. Это он два часа тому назад так нехорошо обошел-

ся со сторожем склада «Бижутерия и галантерея Р. Томаса». Авас в банде самый сильный физически, и вся «работа», требующая силы, поручается, естественно, ему. Когда-то в далекой юности Авас был боксером, о чем свидетельствует расплюснутый нос на красном, будто обваренном кипятком лице с маленькими, глубоко спрятанными под кустистыми бровями глазками. Авасу даже прочили большое спортивное будущее, но природная лень не позволила ему стать чемпионом. Ему больше пришлось по душе другое занятие – грабить и красть.

Долговязого, тощего, как сушеная тарань, бандита кличут Камбуз. С его острого, как топор, лица, на котором привлекает внимание один большой тонкий нос, никогда не сходит постное выражение. Кличка пристала к нему не случайно: Камбуз всегда голоден и постоянно что-то жует. Его любимая поговорка: «Люблю повеселиться, особенно пожрать».

Сорокалетний Бугель также приметен своим лицом. Оно у него круглое и плоское, как луна. Правда, в отличие от луны, лицо его серое, землистое. На нем – круглые судачьи глаза, широкий утиный нос и похожий на щель рот. Такое впечатление, что это лицо сработал скульптор-примитивист.

В своей «работе» банда не отличается особой разборчивостью: чистит склады и магазины, проникает в плохо запертые квартиры, угоняет машины, мотоциклы и даже велосипеды, может напасть на беспечного кассира или инкассатора,

при случае ограбит подвыпившего ночного гуляку, не погнушается отобрать в темном переулке сумочку у женщины.

Добытый товар банда сбывает иностранным матросам, спекулянтам и скупщикам краденого. Одним из таких скупщиков является хозяин магазина «1001 мелочь» Маркус Финт.

– Так что там за товар у вас? – повторяет свой вопрос Финт, заглядывая в лицо Рекса через круглые выпуклые очки своими близорукими, беспокойно бегающими глазками.

– Товар – что надо: хороший, ходовой, долго лежать не будет, – спешит успокоить хозяина Рекс. – И надежный. Ты же знаешь: мы люди честные! Клиентов не подводим.

– Насчет вашей честности у меня нет ни малейших сомнений, – соглашается с гостем Финт. И трудно понять, то ли он иронизирует, то ли говорит серьезно. Впрочем, о всех подробностях широкой деятельности компании «Рекс и подручные» Финт толком не знает: компаньоны умеют держать язык за зубами. Но догадывается. Хотя не догадываться об этом может разве что круглый дурак.

– И тем не менее, – продолжает Финт, – я должен знать, откуда товар. Ты же понимаешь...

Рекс хорошо понимает Финта и потому отвечает без обиняков:

– Товар со склада Рауля Томаса. Насколько я знаю, ты торгуешь его барахлом?

– Кое-что есть...

– Вот и хорошо. Что не сможешь сбыть – отложи. Мы потом заберем. Процент прежний?

– Ты знаешь, Вилли... я теперь спать по ночам не могу. Все жду, когда заявится полиция, – начинает по привычке юлить Финт. При этом румянец на его по-детски полных щеках становится еще заметнее. – Очень уж большой риск. Ну, и все такое...

– Понятно, – брезгливо морщится Рекс. – Так сколько?

– Шестьдесят – вам, сорок – мне.

– Ладно, уговорил, – соглашается Рекс и, обернувшись к своим компаньонам, которые, не вступая в разговор, дружно дымят сигаретами в дальнем углу комнаты, говорит: – Все, ребята. Вылетаем. По одному. И без шума.

В двери, прощаясь с хозяином за руку, Рекс шепчет ему на ухо:

– На днях зайду к тебе в магазин. Есть разговор тет-а-тет.

Этот парень мне нужен!

– Как торговля? – разваливаясь повальяжнее в мягком кресле, говорит первое, что приходит в голову, Рекс. Несмотря на жару, он облачен в белую тройку с черной бабочкой. На голове у Вилли черная шляпа с широкими полями.

– Какая теперь торговля... – начинает, по обыкновению, прибедняться усевшийся напротив на кожаном вращающемся стуле Маркус Финт. Больше всего Финт не любит, когда у него просят деньги взаймы, и потому никогда не распространяется ни о своих делах, ни тем более о доходах. – Как всегда, одни убытки.

– А ты бросай свою торговлю и переходи в мою фирму, – благодушно, словно похлопывая собеседника по плечу, усмехается Рекс. – У нас убытков не бывает – сплошная прибыль.

– Покорнейше благодарю! – с деланой любезностью кланяется Финт. – Лучше уж я буду терпеть убытки, чем каждый день жить в страхе.

– Дело хозяйское, – снисходительно роняет Рекс.

Разговор происходит в небольшой конторке магазина «1001 мелочь», через полуоткрытую дверь которой можно при желании видеть все, что делается в торговом зале магазина. Там хозяйничает приказчик Финта – рыжий прыщавый молодой человек с лошадиной физиономией, добрую поло-

вину которой закрывают большие роговые очки.

На подоконнике, подле которого восседает истекающий потом Рекс, бесшумно работает вращающийся из стороны в сторону вентилятор. Когда освежающая струя воздуха обдувает Рекса, он блаженно щурит глаза и запрокидывает голову, подставляя ветерку шею. Шляпу, однако, снимать не собирается.

Разговор, ради которого он пришел, Рекс начинать не спешит: сегодня ему некуда торопиться, да и на улице жарко, а тут тихо и прохладно. «Неплохо устроился Маркус Финт, – не без зависти думает Рекс. – Может, и мне бросить свою беспокойную профессию да купить такой вот магазинчик?»

В проеме двери появляются большие очки приказчика.

– Извините! Хозяин, можно вас на минуту?

– Ну, что там еще? – неохотно откликается Финт.

– Там какой-то парень... Поговорить хочет с вами.

– Ладно, иду.

Финт неторопливо поднимается со стула и, не закрывая за собой дверь, так же неторопливо выходит в торговый зал. Зал пуст, если не считать Эдвина Трампа. Сегодня он в черных спортивного кроя брюках и черно-белой клетчатой рубашке с широко распахнутым воротом.

– Вот идет хозяин, – говорит, обращаясь к Эдвину, приказчик. – Может, с ним договоритесь...

Сказав это, приказчик отходит в сторону и принимается подравнивать и без того аккуратно разложенный на полках

товар.

– Тут такое дело... – без особого желания начинает Трамп. По всему видно, что предстоящий разговор ему неприятен и стоит немалых усилий. – Мне надо на недельки две взять напрокат надувную резиновую лодку. Но денег у меня сейчас нет. Деньги я смогу отдать позже, я оставлю расписку...

– В долг я ничего не даю! – спешит с ответом Финт. – У меня магазин, а не касса взаимопомощи.

– Я мог бы оставить в залог такую вот монету, – пропустив мимо ушей обидные слова хозяина, продолжает Эдвин и протягивает на ладони старинный испанский дублон. – А могу и рассчитаться ею. Монета старая, золотая и, надо думать, дорогая – в ней больше десяти граммов золота. И потом, год ее чеканки – тысяча шестьсот восемьдесят пятый. Вам это о чем-нибудь говорит?

– Нет, – выпятив губу, качает головой Финт. – Я не этот... Как его? Я не... нумизмат. К тому же... я не знаю, где ты взял эту монету. А вдруг она из какого-нибудь музея?

– Я не вор! – с трудом сдерживаясь, чтобы не надерзить, глухо отзывается Эдвин. – Эту монету я нашел. Больше того, я нашел ее в море.

– Вполне возможно, – соглашается Финт. – Однако дать за нее лодку... да еще на две недели не могу.

– Понятно, – подавив обиду, говорит Эдвин. – Извините. Не успевает Эдвин выйти из магазина, как к Финту подбегает Вилли Рекс.

– Послушай, Маркус, почему ты не хочешь дать этому парню лодку?

– Пусть платит деньги и берет лодку, – встряхивает плечами Финт. – Да и тебе-то какое дело?

– Мне нужен этот парень! Понимаешь, мой нюх подсказывает, что намечается интересное дельце... Если ты не дашь ему лодку, то сделаешь большую глупость. Ладно! – видя, что Финт непоколебим в своем решении, распаляется Рекс. – Так и быть, я плачу тебе за лодку, а ты отдаешь ее этому парню как бы за монету. Обо мне ни слова! Идет?

– Ну, если так, то я согласен, – неуверенно тянет удивленный Финт. Он не может взять в толк, откуда вдруг появилась у Рекса эта блажь – филантропия. Даже небольшое волнение Финта тут же отражается на его пунцовых щеках – они еще больше наливаются краской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.